

18+

ЮСУПОВЫ

КРОВЬ И СМЕРТЬ

АННА НОВИКОВА

Анна Новикова

Юсуповы. Кровь и смерть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71678341

ISBN 9785006548954

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Санкт-Петербург, 1908г. В семье Юсуповых скандал. Старший наследник – Николай – крутит роман с замужней дамой. Это не только позор, но и угроза дуэли. Его брат-вампир, Феликс, всеми силами вызывает к здравому смыслу. Помимо этого, прошел слух о сборах вампирской крови. На ее основе химичат не то яд, не то чего похуже. Феликс Юсупов развязывает клубок загадок, в котором замешаны охотники, революционеры, алхимик Пель и даже император. А тут еще рыжая охотница приставила серебряный нож к горлу.

Содержание

От автора	5
Пролог	8
Глава 1. Смена роли	14
Глава 2. Между мирами	31
Глава 3. М. фон Г.	55
Глава 4. Самая паскудная фраза	73
Глава 5. Старые и новые знакомые	96
Глава 6. Пошел ты, упырь!	117
Глава 7. О рубинах и случайностях	138
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Юсуповы

Кровь и смерть

Анна Новикова

© Анна Новикова, 2025

ISBN 978-5-0065-4895-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Когда я писала первую книгу из серии «Юсупов», осталась под впечатлением от истории о проклятье рода и о трагической дуэли Николая Феликсовича. Уже тогда я решила посвятить этому отдельную книгу, которую вы и держите сейчас в руках. В ней есть несколько отсылок к двум предыдущим. Если вы с ними еще не ознакомились, рекомендую все же начать с них, а затем вернуться к данной части.

Пожалуй, от художественной литературы не стоит ожидать строго соответствия действительности. Даже если сюжет базируется на реально произошедших событиях и повествует о реально живущих или живших людях.

И все же, я стремилась всеми силами передать эпоху того времени – рубежа XIX – XX вв. Закапывалась с головой в фактаж – как именовались улицы в Петербурге до революции, какие рестораны пользовались популярностью у высокой публики, и какие блюда там подавали. Кто из дворянских семей кому являлся родственником, в каких громких делах засветились их предки. А уж историю семьи Юсуповых перелопатила вдоль и поперек.

В Юсуповском дворце на Мойке я уже как дома. Иммерсивный спектакль «Мистерии», повествующий о жизни ключевых (если можно так сказать и никого не обидеть) фигур богатейшей семьи империи, добавил несколько важных де-

талей. И, конечно, по многу раз я перечитала тонну публикаций, книг, мемуары Его Светлости в том числе.

Тем не менее, я не претендую и даже не пыталась претендовать на историческую точность. На первом плане все же – персонажи, сдвиги в их характерах, сюжетная линия. А факты, исторический контекст – декорации.

Так что если вы – дотошный читатель, лучше меня знаете, кто, что, с кем, когда и как в 1908 году, то я прошу не воспринимайте сие чтиво как документалистику. Художественный роман на то и художественный, что отличается от документалистики или журналистики. В нем используются различные литературные приемы, в том числе и отсылки к некогда реальным событиям или людям.

Каких-то персонажей я умышленно «омолодила», а каким-то отсрочила кончину на несколько месяцев, чем это указано в официальной истории. Все это послужило базой для повествования и развития персонажей.

В романе есть несколько абзацев с использованием до-революционных правил письма. Здесь я тоже не претендую на достоверность. Каюсь (нет), если допустила некие огрехи. Надеюсь, вам не составит труда уловить смысл написанного.

Я могу честно сказать – писала роман с самой горячей любовью к Петербургу, реальной и альтернативной истории Российской империи, самим Юсуповым, в особенности.

Спасибо за ваш интерес к моему труду и к истории Юсуповых!

Продолжение о новых похождениях Феликса Феликсовича будет в следующих трех книгах. Спойлер: с некоторыми персонажами вы встретитесь снова.

Анна Новикова

Пролог

– Ой, батюшки! Ваша Светлость!.. – вскрикнула кухарка и прижала пухлые ладошки к розовым щекам.

Юсупов еле держится на ногах, а когда услышал этот озабоченный тон, и вовсе потерял равновесие. Колени подкосились, и тело буквально сползло по стенке на вычищенный пол.

– Ш-ш-ш, – произнес Юсупов, поднеся указательный палец к губам.

Изрядное количество выпитого коньяка, шампанского и какой-то уж очень сладкой наливки превратили ноги в желе. Голову будто через центрифугу прокрутили, отчего перед глазами все плывет. Кухарки теперь уже не две, а три. А лоснящееся лицо, сжатое ладошками, напоминает жабу-тройняшку, если таковая существует в природе.

Юсупов не сдержался и прыснул от смеха. За спиной тихо скрипнули петли, пахнуло морозным воздухом, что приятно разбавил кухонные ароматы выпечки и чего-то пареного. Неуверенный стук каблуков тут же сменился склизким чавканьем и тихим стоном.

– Да что же это?.. – вновь подала голос кухарка, так и не отняв ладошек от лица.

Юсупов, прилепившись к стене, попытался подняться, но все осложнила тяжелая мужская рука, что сдавила его

плечо и потянула к себе. Кухня калейдоскопом пронеслась перед глазами. Затем картинка остановилась, и в лицо с хрустом уткнулось что-то мокрое и холодное. Снег размазал остатки грима. А через секунду над ухом раздался громкий смех. Да такой заразительный, что Юсупов его подхватил. Как ни старался успокоиться и шикать, смех стал лишь громче.

Если маменька и папенька услышат пьяный хохот Николая, избежать выволочки от Юсупова-старшего не удастся. Они с братом и так навеселе вторую неделю, возвращаются в родные пенаты далеко за полночь. Если быть точнее, и вообще под утро. Ну вот как сегодня.

Прислуга уже на ногах, начинает приготовления к новому дню. А тут не кстати заявляются сыновья Ее и Его Светлости – старший Николай и младший Феликс. И бог бы с ними, с обычными пьяными молодыми шалостями. Но ведь сегодня – последний день святок. Николай в костюме статного гусара с пышными усами, один из которых отклеился и безвозвратно утерян, кажется, уже после второй бутылки коньяка. Феликс же в пышном грязно-розовом платье ресторанный кокотки. Поленька – подруга Николая по театру и по амурным делам – одолжила сей наряд, обшитый рюшами и дешевыми бусами. Да еще знатно так намалевала физиономию гримом, начесала-накрутила локоны, что молодой граф сам в себя влюбился.

– Тише, тише, – зашептал он, прижимая указательный па-

лец к губам. – Разбудим родителей, уже не сработает оправдание про затянувшуюся репетицию в театре.

– Ну тогда скажем, у нас был премьерный показ для своих. Заимел оглушительный успех, а тебя и вовсе вызывали на бис шесть раз кряду! – бархатным баритоном отозвался Николай и снова рассмеялся.

Юсупов отдышался, сфокусировался на газовой лампе, затем медленно перевел взгляд на кухарку и прошептал:

– Только никому.

Розовощекая кухарка, кажется, и месяца не работает. Не обвыклась еще к нравам молодых господ. Так и стоит, выпучив глаза, не смея двинуться с места.

Наступая на испачканный талым снегом подол, напомаженный граф поднялся. Левый глаз щиплет от туши. По полу с тихим шорохом рассыпались оторванные от платья бусины и закатились по углам. Буквально наощупь подхватил брата под руку и помог встать. Поскальзываясь на каждом шагу, молодые люди двинулись от черного входа в жилую часть дома. На пороге из кухни Юсупов обернулся и повторил шепотом кухарке:

– Никому.

Розовощекая девица закивала и проводила круглыми как блюдца глазами.

Дойти до спален в тишине не удалось. Николай то и дело скрипел подошвами сапог, ржал как конь и падал, падал, падал. Юсупов мысленно вел обратный отсчет до встречи

с тем, кого в этом доме принято звать «папенькой». Опять устроит выволочку на повышенных тонах, пригрозит позором семьи, а может и пристукнет кулаком по столу. Все, как обычно. Юсупов это столько раз видел и слышал, что даже подыгрывать надоело.

Николай повалился на постель, не сняв сапог. Почти сразу засопел. Единственный ус болтается от глубокого дыхания.

Юсупов и сам бы рад повалиться в забытие, да хоть прямо вот так – в рваном театральном платье, уткнувшись в ковер перепачканным гримом лицом. Где-то в коридорах доносится недовольный гомон. Что ж, возможно сегодня не придется врать про театр, оглушительный успех и выход на бис. Он просто смертельно хочет спать.

Отойдя от спальни брата на пару десятков шагов, Юсупов нос к носу столкнулся с папенькой. Коренастый, кряжистый мужчина, с почти черными глазами, которые прожгут дыру. Генерал-майор из Свиты Его Величества. Таков уж он – Феликс Феликсович граф Сумароков-Эльстон, князь Юсупов. Командир полка, а заодно и подставное лицо, которому Юсупов отдал и имя, и фамилию, и даже часть своей биографии. А как вы хотели? Быть вампиром – это не только кровь пить и не стареть. Это еще придирчиво подбирать людей себе на подмену, чтобы не вызывать подозрений у окружающих.

Конечно, Юсупов – не единственный вампир в дворянских кругах. Да и финт с подменой личности – не редкость. Надо лишь все хорошенько обставить, пропасть на время

или на крайний случай инсценировать смерть. А пока кто-то другой играет роль папеньки-дядюшки, потихоньку готовить себе новую личину. Можно даже не отходить далеко от оригинала. А там – кто разбираться будет? Вы думаете, одинаковые имена у дворянских семей – лишь преемственность поколений? Чередование Николаев и Борисов – просто совпадение или дань предкам? Ну-ну.

– В кабинет ко мне. Живо, – сквозь зубы процедил Юсупов-старший.

– Да, папа, – сокрушенным тоном ответил молодой граф и поплелся следом.

Что ж, выспаться сегодня не удастся.

Хотя знаете что? Черт с ним!

Едва папенька громыхнул дверью кабинета, как Юсупов поднял указательный палец и сказал:

– Прежде чем ты разразишься громом ругательств и обвинений в мой адрес о том, что я – позор нашего рода, позволь напомнить – кто ты здесь и за что тебе платят?

Юсупов-старший побагровел, щеки затряслись, но открыть рот он так и не успел.

– Вот и славно, – сказал не-совсем-сын. – У тебя своя роль, у меня – своя. Но сейчас не тот повод, чтобы отыгрывать ее до конца.

С этим молодой граф и восьмидесятивосьмилетний вампир покинул кабинет того, кого принято в этой семье называть папенькой. И не смог сдержать ухмылку, когда за спи-

ной раздался тяжелый грохот. Кажется, со стены слетел портрет государя. Или его мраморный бюст сделал фееричный полет через все помещение.

Глава 1. Смена роли

У вампирской жизни свои прелести – долгожительство, завидная регенерация и отсутствие похмелья. За свои почти девяносто лет Юсупов не повстречал ни одного вампира, который нахлестался так, чтобы болеть головой и цедить рассол с утра. К тому же полный бокал охлажденной крови заметно взбодрил. От последствий бурной ночи и короткого сна не осталось и следа.

Сглотнув слюну, граф (ах, как не терпится вернуть себе княжеский титул), пританцовывая, зашагал в столовую. Его ведут ароматы жареного каплуна с пряностями, гурьевской каши, воздушного паштета и пирожков. Интересно, круглолицая кухарка уже растрезвонила весть о знаменательном возвращении молодых господ в непотребном виде? Растрезвонила, поди. Иначе с чего слугам так усердно прятать глаза при появлении Его Светлости? Эх, предстоит-таки надеяться на кухню еще разок и договориться с новенькой уже не шепотом.

– Доброе утро, мама! – поприветствовал Юсупов и поцеловал сначала руку, а затем щеку самой прелестной женщины на свете, Зинаиды Николаевны.

– Здравствуй, родной, – отозвалась она и ответила взаимными поцелуями в обе щеки.

От нее пахнет розой и клементином, русые волосы уложе-

ны в высокую прическу. На висках выются игривые локоны. А глаза – просто загляденье. Утонуть бы в них и забыть обо всем. Ибо такой свет в них сродни ангельскому. Да что там – божественному.

Зинаида Николаевна улыбнулась и пробормотала:

– Опять поскабрезничал с папа? Едва забрезжил рассвет, а он уже капли принимает.

– Ерунда, – так же тихо отозвался Юсупов. – Ему иногда полезно поиграть в главу семьи.

Затем перевел взгляд на Юсупова-старшего и сказал нахальным тоном:

– И вам доброе утро, папенька! Как спалось?

Юсупов-старший дожевал омлет, да с таким усердием, будто готов еще и вилку перекусить. В его взгляде читаются все невысказанные ругательства, проклятия и матерные слова, коими лексикон заядлого военного человека полон, ка- жись, от рождения.

– Спалось бы лучше, дабы два сопляка не позорили нашу фамилию, – наконец отозвался он.

– Mon cher, – с укоризной в голосе обратилась к нему Зинаида Николаевна.

Молодого графа же это только раззадорило. Он уселся напротив отца, дождался, когда служанка наполнит чашку кофе с пряностями и ответил:

– Что поделать? Молодость так коротка. Надо взять от нее все, чтобы лет так через тридцать не стать брюзгой, поедая

омлет на завтрак и страдая болезнью легких каждую зиму.

– Фика, – теперь укоризненный тон Зинаиды Николаевны обращен сыну.

– Если брать от молодости все, к старости ничего не останется, – не сдается глава семьи. – Старшой где? Прожигает дни и ночи напролет, да спит, когда вздумается?! И это – наследник дворянской фамилии?!

Княгиня открыла рот, но лишь вздохнула и опустила глаза в недопитую чашку с кофе. Юсупов успокаивающе погладил ее ладонь и с вызовом взглянул на отца.

– Вот именно, он – наследник. Еще успеет насытиться ответственностью за содеянное. Не отнимайте у него столь драгоценный опыт, – ответил он. – К слову, сдается мне, нам обоим бы уже зваться не графьями, а князьями. Как там с документами?

Вилка звякнула, ножки стула ухнули по полу. Юсупов-старший дожеввал завтрак, утер губы салфеткой, швырнул ее на стол и поднялся с места. На ходу поцеловал супругу в висок и с громким сопением покинул столовую.

– Ну зачем ты так, Фика? – мягко спросила Зинаида Николаевна. – Он ведь старается и действительно многое делает для благополучия семьи. Вашего с Николаем будущего.

– Он слишком печется о тех, кому уже давно не двенадцать, – ответил Юсупов. – Мы лишь праздновали окончание святок. Мы ведь не стали купаться в проруби до освящения, хоть Николай и рвался. Кстати, не пора ли нам на служ-

бу?

– Но ты ведь ничего не съел. Да и Николай...

– Я не голоден. А от Николая все равно никого проку на службе. Не хватало, чтоб его замутило прямо на икону Угодника. Этот запах ладана, знаешь ли, даже желудок трезвенника заставит скукожиться.

– Ладан изгоняет нечистый дух. Сам знаешь, как бесы любят святые места, – ответила Зинаида Николаевна.

– Ох, мама... Если бы ты видела мир моими глазами, убедилась бы, что святости там ни на йоту.

Юсупов подмигнул и, выдержав паузу, добавил:

– Я обещаю, что это был последний раз. Я прослежу, чтобы Николай меньше прикладывался к горячительному и не досаждал вам с папенькой. От купания в проруби сегодня его отговорю. А теперь пойдем.

Он помог Зинаиде Николаевне подняться из-за стола, подал локоть и повел к выходу из столовой. Сегодня ему снова отдуваться за обоих наследников дворянской фамилии.

Сколько бы лет ни прошло, но Юсупов не перестает восхищаться этой женщиной. Точеный профиль, острые скулы, изысканные манеры и плавные движения. Твердая осанка и обезоруживающая улыбка.

Когда в 1881 году он увидел Зинаиду Николаевну на очередном балу, то был очарован ее красотой с первых минут. Наплевав на все приличия, приглашал ее на танец снова

и снова, пока недовольные шепотки по углам не превратились в охульный гомон.

– Вы совсем не знаете меры, mon cher, – сказала ему тогда Зинаида Николаевна.

Ее щеки изрядно зардели, на лбу блестели бисеринки пота, из несложной прически выбилось несколько локонов, сделав эту женщину еще более пленительной. Не зря ее по сей день считают главной красавицей высшего света. Желанная гостья и умелая танцовщица на любом балу. В тот день Юсупов дал себе слово добиться от нее взаимности, во что бы то ни стало.

И добился ведь!

К тому времени графиня Елена Сергеевна Сумарокова перешагнула за пятидесятилетний юбилей и была уже как четыре года вдова. А официально покойный бывший супруг не обзавелся даже еле заметной морщинкой на переносице.

Брак с графиней, как у дворян нередко заведено, был по договору, а не по зову сердца. Елена Сергеевна осталась последней представительницей рода. И дабы иметь продолжение, Высочайшим указом тогда еще Феликсу Николаевичу Эльстону было дозволено занять двойную фамилию и перенять графский титул. Так и стал он графом Сумароковым-Эльстоном.

Зинаида Николаевна тоже оказалась последней в роду Юсуповых. Младшая сестра Татьяна скончается в 1888г в возрасте двадцати двух лет от тифа, не успев выйти замуж

и не оставив наследников.

У Зинаиды Николаевны не было отбоя от женихов. Еще бы! Самая богатая невеста империи. Не будет ложным пояснить, что сватались к ней далеко не из-за красоты. С такой же корыстью позариться на роскошное приданное сватался первый князь Болгарии Александр Баттенберг. Ему княгиня дала от ворот поворот. А его сопровождающий Сумароков-Эльстон заимел успех. И нет, его вампиризм не отпугнул Зинаиду Николаевну. Как уже сказано, среди дворянства подобные связи – не что-то новое.

Удачный брак с тем же высочайшим дозволением наделил графа Сумарокова-Эльстона титулом князя и еще одной приставкой богатейшей фамилии в империи. Но что бы ни говорили кривотолки, князя пленил не выгодный союз и новый титул, а неземное изящество и очарование этой женщины. Юсупов с твердой уверенностью готов доказывать с пеной у рта, что союз с Зинаидой Николаевной у него по любви.

Да только в первый же год брака случилось несчастье. Вампирская природа Юсупова и слабое женское здоровье Зинаиды Николаевны создали непредсказуемый коктейль смешения крови. Из-за чего случилось два выкидыша. Видеть страдания горячо любимой женщины было невыносимо, а рисковать ее жизнью – просто кощунственно. Тогда Юсупов и решился на отчаянный шаг – найти себе замену. Пришлось в срочном порядке не только подобрать достойного мужа, но и покорпеть с архивами, документами, публика-

циями в прессе, фотографиями. Так на сцену вышел высокий и кареглазый офицер. Уж лучше пусть будут кривотолки в духе, что такая писаная красавица нашла в столь жестком и холодном человеке, чем мерзкие рассказы о женской немощи или позорном разводе.

Юсупов встретил этого солдафона на одном из праздников с участием кавалерии. И понял, что это – неидеальный, но надежный вариант. Неплохо подкупил, изрядно пригрозил и, давайте честно, буквально наградил жизнью в богатейшей семье империи. Сам же Юсупов ушел в тень от светской жизни, но всегда держал связь с Зинаидой Николаевной и тем, кто заменил его самого на посту мужа. Когда через год пошла весть о новой беременности, а потом и о появлении долгожданного первенца, у Юсупова кольнуло в груди. Кольнуло и отпустило.

Можно было прикинуться дальним родственником – благо подготовить соответствующие документы при таком богатстве нетрудно. Или, скажем, другом семьи. Но Юсупову ужасно хотелось быть рядом с этой женщиной каждую минуту существования. Он и сам не знал, как подступиться с вопросом о своей роли в не-совсем-своей семье, когда Зинаида Николаевна проявила инициативу. Так и сказала:

– Ты дал мне шанс продлить род хотя бы номинально, позволь отплатить тебе тем же. Будь мне вторым сыном.

У Юсупова внутри все перевернулось. Прикинуться сыном женщины, которую полюбил с первого взгляда, знае-

те ли, попахивает порицаемой связью. В одночасье переключиться с любви плотской на любовь платоническую – задача не из легких. И лишь позже от «подменного мужа» Юсупов узнал, что Зинаида Николаевна больше не сможет иметь детей. Можно сказать, рождение Николая – уже само по себе чудо. Еще один выкидыш или роды эта женщина просто не переживет. Так Юсупов дал себе время на переосмысление отношения и собственной роли в этой семье. А также в очередной раз позаботился о наличии нужных документов, публикаций и прочих доказательств существования второго наследника. Вот и стал он сначала «сыном», а теперь и «внуком» самого себя.

Несколько лет пришлось придерживаться версии о болезненности мальчика. «Отправлять то к одним, то к другим врачам», беречь от лишних контактов, пока не стало можно явить себя миру, так сказать, по возрасту.

По официальным данным молодому графу в марте исполнится двадцать один год. Со старшим братом разница – четыре года. И именно благодаря «старшему брату» ему удалось вжиться в новую ипостась. Конечно, кому надо, те знают, что младший наследник – совсем не тот, за кого себя выдает. Но у этих знающих имеются и свои подобные скелеты, а лучше сказать, вампирские истории в шкафу.

Николаю сознался не сразу. А когда до того дошел смысл сказанного, сначала замкнулся, затем много дебоширил. И лишь когда молодой граф за шкирку вытащил его из оче-

редного кабака, охладил в канале, что тот чуть не утоп, а потом вместе крепко напились – вот тогда их отношения по-настоящему стали братскими. Николай порой доставляет хлопот и головной боли, но Юсупов готов стерпеть все и получить нагоняй от папеньки. А все потому, что это его брат. Пусть не по крови, но точно по духу.

К тому же, теперь они оба – завидные женихи, которым прочат большое будущее, громадное наследство и такую же громадную ответственность, дабы приумножить то, что нажито предками со времен Ногайской орды. Маменька часто повторяет: «кому многое дано, столько много и спрашивается».

И вот сейчас, любуясь профилем Зинаиды Николаевны, Юсупов с тоской вздохнул и в очередной раз мысленно репетирует разговор с папенькой о вступлении в силу приказа о титуловании. Перестать уже наконец-то зваться графом и вырасти до князя. Ввиду бюрократической неразберихи и теневого участия Юсупова в своей же семье титул князя с рождения имеет Николай. Повелением Александра Третьего передавать титул князя разрешено одному сыну – старшему в роду. Но это его – Юсупова – титул, его стараниями заслуженный! Да плевать он хочет на документ прошлой эпохи! Может, конечно, и сам ходатайствовать, но слишком много рисков еще больше все запутать. Раз официально глава семьи – Юсупов-старший, ему и быть инициатором.

Правда тот не спешит с ходатайством, ибо, как ни крути,

именно Николай – наследник по крови. Феликс же никогда не был и не станет в глазах главы семьи родным, а Николаю – ровней. К тому же, сейчас папеньке просто не до «младшего» сына. С каждым годом Николай доставляет все больше мороки. То кутежи, то амурсы с сомнительными дамами. Со скрипом окончил юридический и чуть ли не ночует на театральных подмостках. А ему, на секунду, двадцать пять – пора бы подбирать пассию для женитьбы.

Но в том и дело, что Николая несколько не заботит ни женитьба, ни княжеский титул, ни невообразимое наследство. Сцена, гулянки, сочинительство романсов занимают все его существо. Птенец оперился, заимел жиденькие усики над верхней губой, но заматереть и возмужать не торопится.

Уж сколько курортов Николай посетил за последние два года под патронажем младшего брата, Юсупов и считать не берется. То Николаю прописывают горы и холодный душ, то наоборот, теплый климат и море. То диету и тренировки (излюбленный теннис), то наоборот, богатый рацион и меньше активности. И все ради того, чтобы подлечить нервозность, неконтролируемую горячность, граничащую с маниакальным максимализмом. Николай в прямом смысле ходит по краю, живет по принципу «все или ничего». А если «все», то сразу.

Но сам Юсупов знает, что причина таких настроений кроется совсем не в нервозности или крутости характера Николая. Опиум и другие чудодейственные порошки в смеси

с алкоголем порой превращают того в агрессивного монстра. И в совершенно жалкое существо в сложные периоды наркотической ломки. Чертово влияние богемы, недавно оконченной студенческой жизни и просто театрального пафоса о молодой чувственной натуре, которая уже познала весь этот мир...

Какую только управу ни искал на него не-совсем-младший брат, но Николай снова и снова ввязывается в пути нездоровой зависимости. Тело держится, пока молодо и энергично. Но кому как не вампиру-Юсупову понимать, что человеческая природа слаба и ненадежна.

Несмотря на трехлетнюю зависимость брата, им вдвоем удается держать маму в неведении. Та и впрямь думает, что Николай нервозен ввиду своей чуткости, эмпатии и просто свойственной ему характерности. Папенька же, напротив, сразу все понял, едва увидев расширенные зрачки сына. Отвесил несколько крепких затрещин и убил бы, не останови его Юсупов. И хоть в своих угрозах генерал-майор был тверд, «младшему отпрыску» удалось уговорить его держать язык за зубами. Взял лечение Николая под свою ответственность.

Так, с одной стороны, Николай – его брат и лучший друг, с кем можно крепко напиться, разгуляться вдоволь и прослыть джентльменами, когда того требуют обстоятельства. А с другой он – сушая нервотрепка и пороховая бочка, готовая взорваться без видимых причин.

Благодаря своему особому зрению Юсупов способен видеть эмоции, как вспышки, туманные разноцветные облачка. Во многом именно эта особенность помогает предугадывать поступки Николая и вовремя его осаждать. Вот только с каждым месяцем внутренние демоны настолько разрывают душу старшего брата, что Юсупов мысленно бьет тревогу. Может женитьба и правда даст необходимый толчок для внутренних изменений Николая. А может займет обратный эффект, и старший наследник сделает несчастными много, слишком много людей.

Размышляя над этим, Юсупов почти и не заметил, как прошла крещенская служба. И народ начал крестный ход из Петропавловского собора прочь на улицу. Морозный воздух с легким покалыванием наполнил легкие и приятно отрезвил. Над городом висит бледное небо. Людской гомон разбавляет колокольный звон. Молящиеся крестятся, шевелят губами, вторя молитву.

Теплая рука Зинаиды Николаевны легла под локоть. Юсупов машинально коснулся в ответ и повел к извозчику.

Юсупов застал брата в спальне ближе к пяти часам вечера. За окном темно как ночью. Комната наполнена теплым светом электрических ламп. Николай развалился на кушетке у окна и в творческом полузабытии что-то строчит в блокноте. У его ног разбросаны скомканные страницы, исписанные чернилами. Картина ясна – альтер эго Роков готовит очеред-

ной романс, от которого глаза придворных дам наполнятся слезами, а стол самого автора – письмами поклонниц.

Не церемонясь, Юсупов потеснил брата на кушетке и взял первый попавшийся лист бумаги, сложенный вчетверо.

– «Граф, Вы обещали вчера быть у меня и не были», – процитировал он с придыханием. – «Глубоко оскорбили... если поете Ваши романсы другим очам, то это не дает Вам этого права». Так вот чьи сердечные осколки хрустят под твоими окнами? В самом деле, не быть ли тебе более прямолинейным?

– Папа я сегодня не видал и не хочу видеть в твоём лице, – отозвался Николай, не открывая глаз.

– Ты пропустил завтрак.

– И обед, и изматывающую крещенскую службу, от которой у меня непременно случилось бы помутнение.

– Помутнение у тебя от... – Юсупов замолчал и потянулся к бутылке с сомнительной жидкостью в изголовье кушетки. – Черт возьми, что это?

Он принюхался и зажмурился. Из глаз брызнули слезы. В горле запершило.

– Это помогает настроиться, – подавляя зевок, сказал Николай.

– Скорее – отправиться на тот свет. Откуда это у тебя? Явно не из запасов лучшего крымского.

Николай неопределенно пожал плечами, с шумом вздохнул и сказал:

– Мне нужна муза.

Юсупов брезгливо отставил бутылку. Надо бы ее выбросить куда подальше – не дай бог отравится кто.

– У тебя этих муз в каждой записке, – ответил он. – Вот эта, например... К S.

– Она скучнее, чем прошлогодняя пьеса накануне Пасхи.

– Тогда... – Юсупов зашуршал посланиями. – Некая госпожа Д. Или, например, графиня Л-ская. Да что ж они у тебя все шифруются?

– Пресные. Они все пресные, – сказал Николай. – А графиня и вовсе с лошадиным лицом.

Юсупов поморщился как от холодного жульена.

– Слышала бы тебя маман...

Николай, наконец, распахнул глаза – каштановые с золотистым отливом при свете ламп. Поводил ими будто в поисках подсказки и сказал:

– Лотти. Мне нужна Лотти.

– Упаси тебя господь... – пробормотал Юсупов и сжал двумя пальцами переносицу.

В прошлом году, куролеса из одного курорта в другой, остановились братья в Париже. Юсупов тогда настолько истосковался по дому, что готов был бросить Николая и укатить на родину. Вот только самого Николая угораздило влюбиться в Манон Лотти – местную куртизанку, господи прости.

Влюбился до беспамятства. Все говорил про особую си-

ду ее очарования и бескрайнее вдохновение, которым она одаривала каждую ночь. Сам Юсупов уверен, что вся сила мадам Лотти заключалась в ее чреслах и крепкой хватке бедер. Голубки таскались из ресторана в ресторан, а младшему брату оставалось считать неприличные суммы, спущенные не только на услуги мадам Лотти, но и на вина, угощения, отели.

В конце концов, ему это надоело, что и себе завел любовницу. Та познакомила его с опиумом. Не понравилось. Но зато теперь Юсупов знает наверняка, какое воздействие это имеет на и без того слабый организм старшего брата.

– Ты не понимаешь, – отозвался Николай, – она поила меня таким вдохновением! Такой истомой, от которой стихи сами ложились в рифму. А мелодия звучала так ясно и так громко.

– Ну а что Поленька? – не сдастся Юсупов. – Еще вчера ты говорил о ней то же самое.

Николай скривил губы и ответил:

– Сам-то с Шурочкой давно встречался?

– Не напоминай, – едва не взвыл Юсупов.

Поленька – простушка из театральной труппы, которой достаточно пары чулок и бутылки портвейна. С ней всяк находит общий язык, особенно в компании с самоваром, водкой и закуской. Может именно этим она устраивает Николая. Никаких долгих ухаживаний и уж тем более – никакой ответственности.

Шурочка, она же Шура Муравьева, дочь от третьего брака тайного советника и министра юстиции Николая Муравьева. Подруга детства и давняя воздыхательница Феликса. Лет пять назад у них случился флирт с невинным лобзанием в беседке, увитой виноградом. Сам он и думать о нем забыл, но Шурочка до сих пор донимает недвусмысленными намеками при каждом удобном и неудобном случае. В прошлом году стала супругой английского дипломата. Однако, видимо, в браке не все гладко, раз Шура упорно гнет свою линию о том, какой парой они были бы с Феликсом, и как видела во сне их венчание.

– Муня? – спросил Юсупов.

Николай лишь закатил глаза и смял очередной лист из блокнота.

К Муне у брата такое же отношение, как у Феликса к Шурочке. Муня, она же Мария Головина, племянница княгини Ольга Палей. Муня отличается плоским как блин лицом и вечно поджатыми губами, будто беспрестанно что-то жует. Порой чудаковатая и оттого назойливая. Все зовет себя «обрученной невестой» Николая. Почему тот не пресекает подобное, непонятно. Не то тешит самолюбие, не то ему просто все равно.

– Давай к цыганам что ли? – спросил Николай без особого энтузиазма.

– Я пообещал маман, что уберегу тебя от крещенских купаний и сопутствующих развлечений, – ответил Юсупов,

приправив ухмылкой пай-мальчика.

Николай сдвинул брови, продержался секунду-две, а затем захохотал. Юсупов подхватил и добавил:

– Мы поедем к цыганам, но для начала ты поешь. Маман обеспокоена твоей худобой, а меня не хватит на новый сезон твоего курортного лечения.

Николай снова закатил глаза. Юсупов похлопал брата по коленке и сказал:

– Давай. Тебе еще побриться. А мне побеседовать с новенькой кухаркой.

Он поднялся, подхватил сомнительную бутылку и направился к дверям.

– Я никогда не спрашивал тебя, – сказал ему Николай в спину, – кровь и правда лучше?

Юсупов обернулся, выдержал паузу и покрутил бутылку с отвратным пойлом.

– Явно лучше этого.

В ответ ему прилетела новая скомканная бумажка.

Глава 2. Между мирами

– Ты играешь уже шестой сет подряд, – сказал Юсупов, опуская козырек шляпы.

Июльское солнце аж до рези в глазах отражается от белого костюма Николая. Тот в очередной раз замахнулся ракеткой, отбил мяч и одернул прилипшую к груди рубашку. Пот обильно стекает по вискам и шее. Жилы на руках вздулись – вот-вот лопнут.

– А ты в четвертый раз назойливо дышишь в затылок, – огрызнулся брат.

Юсупов прислонился к дереву, скрестил ноги и достал из кармана серебряный портсигар. Уже полгода один курорт сменяется другим, врачи оказывают противоречивые методы лечения, а Николаю хоть бы что.

Взрывается на ровном месте, скудно питается, отчего его ключицы до неприличия остро торчат из-под ворота рубашки. А шорты едва держатся на бедрах. Будьте уверены, ремень на них застегнут на самую последнюю дырку.

Дивон, Лозанна, потом Париж и Рим. Видит

бог, Феликсу осточертела эта курортная катавасия. Каждый день он убеждает себя, что бросит непутевого братца и вернется на родину. Купит билет на ближайший рейс – и сразу в Крым. И каждый день он вздыхает, уговаривая себя, что стоит подождать еще. Вроде лечение гасит главную зависимость. Николай больше не прикладывается к бутылке, не налегает на алкоголь во время еды, опиумом не разрушает себя. Но теперь с той же маниакальной страстью переключился на теннис.

Личный доктор Роланд говорит, это важно для психики Николая. Ему, видите ли, важно заменить одну страсть другой, пока не наскучит. К тому же, уж лучше страсть, укрепляющая здоровье, а не разрушающая его. Да только страсть по теннису все не наскучивает и не наскучивает.

Николай пропускает обеды, а порой и ужины. Вчера побил свой же рекорд, отыграв восемь сетов подряд. Даже вампирская выдержка Юсупова сдала бы позиции в таком состязании – как пить дать, рука бы отнялась. Но брат не замечает усталости, голода и собственного истощения.

– Маман прислала телеграмму, – снова подал голос Юсупов. – Ее лечение на водах в Германии идет хорошо. Спасибо, что спросил. Тебе она тоже шлет пламенный привет и пожелания скорой поправки.

Хлоп. Хлоп. Мяч отскочил от ракетки снова и снова, и снова.

– Она предлагает встретиться в Контрексвиле или во Францесбаде в конце августа, – продолжил Юсупов. – Заодно свидимся с Зубовыми. А потом...

– В Крым? – закончил за него Николай и дернул плечом. – Уволь.

Хлоп.

Юсупов достал сигарету и постучал по крышке портсигара. Как же хочется дать этому упрямцу пару затрещин! Еще эти новые знакомые – девицы Драгомировы. Играют отвратительно, но Николай готов размахивать ракеткой даже с воображаемым соперником.

– Вечером мы приглашены...

– Иди без меня, – все так же, не отрываясь от игры, ответил Николай.

– Ты не можешь вечно отказываться от еды и игнорировать приглашения.

– А ты не можешь вечно быть моей сиделкой.

Хлоп.

Чиркнула зажигалка. Сладковатый вкус табака наполнил рот. Юсупов медленно выпустил дым и поиграл желваками.

Хлоп. Хлоп.

– Есть! Пять – один в мою пользу! – крикнул Николай и вскинул руки.

На лице заиграла широкая улыбка. На жиденьких усиках блестят бисеринки пота. Николай отложил ракетку и жадно отпил воды прямо из графина.

– Мы здесь пробудем еще неделю, а затем отправимся в Виши, – твердым тоном сказал Юсупов.

– Ты мне не маман, – снова огрызнулся Николай.

– Я твой брат.

– Ты. Мне. Не брат, – отчеканил тот и с громким стуком поставил графин. – Я не просил за мной присматривать, как квочка. И без твоей назойливой опеки бы справился!

– Так же как справился в прошлом году в Париже?

Напомнить тебе, сколько раз ты чуть не захлебнулся собственной рвотой?

Юсупов с большим трудом сдерживает гнев, выпуская одну порцию дыма за другой. Но нельзя, ни в коем случае нельзя вестись на провокации Николая. Каким бы упрямым ослом тот ни был, он остается старшим наследником семьи и любимым сыном Зинаиды Николаевны.

– Тебе бы только брюзжать, а помочь – так концы в воду, – буркнул Николай и взял сигарету брата.

Сделал затяжку-другую, не сводя глаз. Тьма, что в них разлилась не нравится, ой как не нравится Юсупову.

– Обрати ты меня – не пришлось бы вытирать мою блевотину, – процедил сквозь зубы Николай.

– Ты не знаешь, о чем просишь, – понизил тон Юсупов. – Я такую жизнь не выбирал.

– А я выбирал? Вы с маман носитесь со мной, разве что с ложечки не кормите. В то время, как обращение дало бы мне такую свободу и такую жизнь!..

– Это лишь замена одной зависимости на другую. С большим отличием – от нее нет лечения.

– Ну и какой из тебя брат?! – взвился Николай.

Он подошел вплотную и буквально прожигает потемневшими глазами.

– Нравится чувствовать свое превосходство? Того и ждешь, когда сбудется проклятье рода, и ты останешься единственным полноправным наследником? Что же все тянешь? Не надоело в графьях ходить?

Юсупов выпустил последнюю порцию дыма прямо в лицо брата, растоптал окурок и пошел прочь с игрового поля.

– Ужин через час на восточной террасе. Не опаздывай, – бросил он через плечо.

Над ухом что-то свистнуло. Одним движением Юсупов поймал брошенный в него мяч, сжал в кулаке до хруста и бросил под ноги. Серая крошка подобно пеплу высыпалась на сочную зеленую траву.

Юсупов проснулся с чувством беспокойства. Прошлогоднее воспоминание вклинилось на границе с явью. Вампирская природа лишила снов, зато с памятью проблем нет. Да и черт бы с ним! Подумаешь, плод воспаленного ума. Но отчего-то в груди неприятно защемило. Граф потянулся за кув-

пином с водой на прикроватном столике. Звякнул стаканом, сделал несколько глотков и откинулся на подушке.

За окном завывает промозглый ветер. Зима никак не намерена уступать весне. Да и в воздухе будто витает напряжение. В газетах и кулуарах все говорят про грядущую мировую войну. Революционные настроения пока пресекаются, но и их напор долго сдерживать не удастся. Чего стоит убийство Сергея Александровича трехлетней давности. Бомбист-эсер взорвал карету с великим князем же, отчего близкий друг Юсупова – Дмитрий Павлович остался без дяди и, смело можно сказать, второй семьи. Матери тот лишился еще в детстве, а отца разжаловали за морганатический брак и выслали из страны.

Вуууу! За окном завывало так, что тяжелые шторы заколыхались, будто за ними кто-то прячется и вот-вот шагнет в спальню. Граф сморгнул наваждение и допил воду.

– Чертовщина какая-то, – пробормотал он и перевернулся на другой бок.

В чертовщину Юсупов не верит, хоть и сам является ее представителем, если придерживаться народных поверий. Вампир, он же упырь, он же кровопийца, вурдалак. Но себя ну никак не может причислить к тому романтическому образу, что бытует в бульварных романах. В зеркале отражается, человеческую еду ест и пьет, спит в мягчайшей постели, а не в гробу, кожа теплая – в общем, совсем как человек. Ну или почти как человек. Все-таки особенности имеются.

Например, видение эмоций навроде вспышек, мгновенное заживление ран – даже шрамов не остается. Тело не стареет. А еще граф хорошо видит в темноте, что очень даже пригождается. Например, в случаях, когда срочно нужно было сбегать из кабаков темными переулками, звеня бусами и стуча каблуками. Вдвоем с братом они создали ему образ французской певички, чтобы просто повеселиться. Вот только среди публики ресторана «Медведь» нашлись чересчур резвые поклонники. Маменьке сообщили, якобы молодых господ Юсуповых узнали по непомерно дорогим и редким украшениям. На самом же деле розыгрыш зашел слишком далеко, когда за сценой дородный и изрядно выпивший барон фон хрен знает какой попытался совратить Юсупова.

Сначала было смешно до коликов, а когда барон фон хрен по-хорошему не понял и попросту оскорбился, Юсупов вlepил тому затрещину. Николай наддал парой пинков и ударов под ребра. Дык, этот фон хрен такой вой поднял! Вот и пришлось братьям нестись, что есть духу подальше от ресторана, перепрыгивая через лужи, спящих бездомных и кучи конского навоза. Поверьте, в этом случае способность видеть в темноте избавила от многих неприятностей.

Сейчас хоть глаза прекрасно видят, что в тених по углам ничего не кроется, но почти что утробные звуки за окнами приподнимают шерсть на загривке. Тут хочешь не хочешь поверишь во всякое паранормальное. В империю нахлынула мода на мистицизм. Чуть ли не в каждом салоне занимают-

ся месмеризмом, призывают духов усопших. В газетах пестрят заголовки про столоверчение и внезапные смерти в духовном экстазе. В некоторых случаях – такие же внезапные воскрешения.

Может в этом все дело, и граф себя накручивает? Сам он отправляться на тот свет не собирается. Николай нервозен в свойственной ему манере. Да, Николай нервозен... А ведь Юсупов тщательно следит за количеством выпитого и выкуренного братом. Нормой это, конечно, не назовешь. Но хотя бы нет признаков наркотической ломки.

И все же отчего в груди будто когтистая лапа скребет? Юсупов поерзал под одеялом, зевнул пару раз. Затем перестал бороться с собой, поднялся и начал одеваться. До завтрака еще почти три часа, но можно приказать заспанному слуге подать кофе и порцию творога с абрикосовым джемом.

В салон Воронцовых-Дашковых идти страсть как не хотелось. Ну вот до скрежета зубов. Во-первых, там точно будет Ирина Илларионовна с мужем графом Дмитрием Шереметьевым. У последнего кругозор ограничен военной службой и рыбалкой в имении в Финляндии. Совершенно не умеет пить, а круг тем ограничивается на сто раз пересказанными анекдотами и десятком способов закоптить рыбу.

Во-вторых, однозначно встретится Илларион Иванович Дашков. А он – еще тот фанатик. Статный как глыба, с усами вразлет, хоть в косы заплетай. Тридцать лет назад создал

тайное общество под названием «Священная дружина» для охраны императора и борьбы с «крамолой», читай – революционным террором. Кого он только ни вербовал в свои ряды для исполнения сей великой идеи. Ну или хотя бы для хорошего финансирования.

Дело-то похвальное, да только, как про себя отметил Юсупов, за это время организация чересчур разрослась и законспирировалась, что агенты буквально следят друг за другом. К тому же, в «Дружине» имеется особый отдел для учета и регулирования отношений между кланами вампиров и охотников на них. Вот этот самый учет и регулирование порой слишком несносный и назойливый, аж до оскомины. Юсупов сам не раз попадал на заседание данного отдела «Дружины» для разного рода переговоров между вампирами и охотниками. И каждая такая встреча растягивалась на долгие, очень долгие часы. Так что даже терпеливому Юсупову с трудом удавалось сдерживать зевету.

Сам Дашков при каждой встрече не упускает шанса напомнить молодому графу про обязательные ежеквартальные взносы и недвусмысленно намекнуть про зоркий глаз в отношении старшего наследника Юсуповых. Мол, случись что с Николаем, первым подозрение падет на не-совсем-младшего брата.

Единственный человек, которому Юсупов действительно рад – супруга Дашкова – графиня Елизавета Андреевна. Последняя в роду Шуваловых, по совместительству наследни-

да майората Воронцова, вышла замуж за генерала Иллариона Ивановича. С тех пор они и носят двойную фамилию Воронцовы-Дашковы. Как думаете, кто предложил идею о супружестве представительнице угасающего рода? С тех пор можно сказать, у него с графиней вроде как дружба.

Бытует версия, Лили, как ее ласково называет ближний круг и сам Юсупов в том числе, является внебрачной дочкой самого Александра Сергеевича Пушкина. Зная чрезмерную любвеобильность поэта, эта версия не кажется совсем уж фантастической. Графиня имеет крутой нрав, под стать супругу, а может и посоревновалась бы с ним в крутости. От ее сурового и гордого вида порой шарахается публика и не решается сесть по соседству за стол. А вот Юсупов от нее без ума, если не сказать – тает от ее величественной осанки, черных волос и носа с горбинкой. Шамаханская царица – не иначе.

При ее появлении заметно стихают разговоры, а взгляды упираются в пол. Что, собственно, и произошло в это мгновение. Звон бокалов и шипение шампанского вмиг показалось неуместным. Лили вышагивает среди гостей, будто броненосец, рассекающий волны. На приветствия она отвечает кивком и дежурным «и вам здравия». Еще одним кивком дает команду музыкантам продолжить играть. Публика выдохнула и вернулась к разговорам о революции, мировой войне и сплетням, кто, где, с кем, когда и как.

– Графиня выглядит так, будто выхватит шашку из-под

юбок и снесет с десяток голов, – брякнул над ухом Николай.

Он хоть и не чужд женской красоте, но на графиню никогда не посматривал. А вот поди ж ты, сегодня не остался равнодушным.

– В любом другом случае я бы тебя отметелил за такое замечание, – ответил Юсупов, – но в сейчас это звучит как комплимент.

Выждав пару мгновений, он сместился на полшага левее, чтобы попасть в поле зрения Лили. Взгляд ее темных глаз проскользил по толпе и наконец задержался на Юсупове. На лице графини мелькнула улыбка. Гости посторонились, пропуская хозяйку. А вот сам Юсупов млеет, в груди растекается приятное тепло. И даже та когтистая лапа, что наемд-ни царапала беспокойством изнутри, куда-то испарилась.

– Елизавета Андреевна, – сказал Юсупов, отвесив поклон.

Едва коснулся губами руки графини и игриво подмигнул.

– Доброго вечера, Феликс Феликсович, – ответила та.

Николай наконец-то очухался и повторил действия брата, правда без подмигивания.

– Николай Феликсович, как я рада, что вы оба почтили наш салон своим присутствием, – сказала Лили.

– Вы же знаете, какое это для нас удовольствие, – промурлыкал Юсупов.

– Кокетничать изволите, – слегка смягчила тон графиня, хотя для окружающих это незаметно.

Для других Лили – несгибаемая мощь в женском обли-

чие. А для Юсупова – женщина-стихия, которая и заморозит всех властным голосом, и испепелит одним взглядом. Над ее фигурой витает золотистое облачко, что можно растолковать как взаимную симпатию и возможно даже облегчение. Облегчение видеть того, с кем в кулуарах не надо притворяться.

– Слышала ваши романсы намедни в исполнении Сергеевой, – обратилась она к Николаю. – Вы – чрезвычайно талантливы, князь.

Тот запнулся, едва не выронив бокал с вином. Пробормотал что-то невнятное ответ и не сразу пришел в себя, когда графиня проследовала к другим гостям.

– Ты произвел на нее впечатление, – сказал Юсупов. – Похвально. Считаю, полку твоих поклонниц прибыло на добрую сотню.

Коротким взглядом он обвел публику. Да, теперь в их с братом сторону обращены десятки глаз. Юсуповы и так славятся завидными женихами и благовоспитанными кавалерами. А тут в салоне сама графиня Воронцова-Дашкова отметила творческие потуги Николая.

– Если так пойдет и дальше, можешь попросить высочайшего дозволения выйти на большую сцену, – дополнил Юсупов.

– Тогда революция грянет еще раньше, – ответил Николай.

Конечно, ему хочется на сцену, настоящую большую сцену. Размах его творческой природы требует масштабов. По-

ка что он оттачивает мастерство в любительской театральной труппе, хотя папенька откровенно этому не рад. Юсупов-старший все надеялся увидеть сына в военных погонах. Но тому подавай томные возгласы при свете софитов, амбре из одеколона и пота в гримерке и, конечно, Поленьку.

Николай допил вино, вытер усы и направился на балкон, бросив через плечо «я на перекур». Некоторые дамы совсем нескромно проводили его взглядами, прикрылись веерами и зашущукались.

Юсупов мысленно усмехнулся. Знали бы они, что завладеть сердцем наследника богатейшего рода у них нет ни единого шанса. С одной стороны, Николай влюбчив и горяч, но с другой стороны, так же отходчив. Потому на все внезапные амурные порывы и вдохновенные «она моя муза» у Юсупова выработался иммунитет. Удивительно, как Поленька еще держится в числе относительно постоянных пассий старшего брата.

Сквозь гомон слышался знакомый голос, которому свойственно растягивать гласные, будто коту наступили на хвост. Шурочка. Шурочка Муравьева. Вот уж с кем никак не хочется встречаться. Не хватало еще подбирать вежливые отговорки, почему Юсупов вновь проигнорировал письмо. Письмо, которое отправилось в мусорное ведро, так и непрочитанным.

Отвешивая поклоны, Юсупов двинулся в противоположную сторону от знакомого голоса. Гостиная, коридор, еще

коридор, как вдруг ему в грудь уткнулось чье-то личико. Причем недурное, можно смело сказать миловидное. Голубые глаза, слегка вздернутый нос, будто дразнит «ну и что ты мне сделаешь?». Пухлые губки как у наивной курсистки округлились в тихом возгласе:

– Ох, excusez moi.

– Non, tu me pardonneras, – машинально ответил Юсупов и мягко отстранился.

Женские ладони в ажурных перчатках на мгновение дольше задержались на его груди, а в глазах заискрились огоньки. По опыту Юсупова в девяти случаях из десяти такие огоньки довольно быстро перерастают в пожар в спальне или даже в скрытом от глаз углу.

Да, она явно недурна.

– Простите мою оплошность. Позвольте представиться, граф Феликс Юсупов...

– Я вас сразу узнала, – с легким акцентом в голосе перебила его барышня и тряхнула светлыми локонами. – Вы ведь часто бываете в салонах с братом. Слышала, вы вместе играете в любительском театре. Знаете, я ведь тоже немного увлекаюсь... Вы как? Принимаете в свои ряды? Можем вместе сыграть?

– Труппой руководит мой брат. Я обязательно за вас замолвлю словечко, mademoiselle?..

– Ах, оставьте это, – хихикнула барышня и махнула ладошкой, снова слегка задев его грудь. – Мы живем в век про-

свещения и прогресса. Обойдемся без титулов. Марина. Марина Гейден.

Она протянула руку, но явно не для поцелуя. Юсупов кивнул, слегка пожал в ответ и отметил про себя, что такую барышню в труппу никак нельзя. Подмостки стоят в пожаре страстей, любовных треугольников и шального кокетства. Но он сам не прочь отвести беду на себя, можно вон прям за теми шторами или еще в каком уединенном местечке.

– Приятно познакомиться, и надеюсь на скорую встречу... в вашем театре, – добавила Марина и испарилась в дверном проеме, оставив за собой тонкий шлейф магнолии.

Юсупов даже не успел сказать, что никакого театра толком нет. Хотя кого это волнует? Барышня явно имеет в виду совсем другое. И она удивительно настойчива, что графу даже понравилось.

Ближе к полуночи в главном зале стало посвободнее. Гости все больше собираются группками по пять-шесть человек. Главные сплетни пересказаны, новые – выдуманы. В курительной не продохнуть от плотного сизого дыма. Юсупова ненадолго хватило, покинул помещение после пары сигарет. Поискал глазами брата, но того как ветром сдуло. Может нашел себе развлечение на вечер.

Проскальзывая между гостями и раздаривая уже сникшую улыбку, Юсупов заметил подозрительное шевеление в дальнем конце зала. Дамы перешептываются, сверкают гла-

зами, будто хотят попробовать запретный плод. Как говорится, и хочется, и колется. Влекомый щекоткой любопытства где-то под лопаткой, граф проследовал за волной ароматов и шорохом платьев. Преодолев лестничный пролет, он оказался в темноте. В гостиной опущены портьеры. Круглый стол по центру застелен багровой скатертью. Две свечи с высоким пламенем. Десяток мужчин и женщин держат ладони на столе и соприкасаются мизинцами.

За их спинами толпится пара дюжин зрителей с заставшим выражением любопытства и ужаса на лицах. Юсупов их энтузиазма не разделяет. Да что там, он мысленно взвыл – опять эти фокусы! Сейчас какой-нибудь грузный мужик с пышными усами или бледнокожая девица с острым подбородком начнет вещать размеренным голосом, вгоняя в транс. Сделает финт со столоверчением. Тут еще поди сообщник затесался, который непременно хлопнет дверью, скрипнет ногтем по стеклу или пошевелит занавесками.

– Оставьте это, – властным голосом сказала женщина в темном платье с глубоким декольте. – Оставьте ваш скепсис. Кто пришел за правдой – останьтесь, кто пришел ради забавы – покиньте зал.

Юсупов мысленно усмехнулся. С модой на месмеризм скоро все эти медиумы-гадалки повыгоняют хозяев из их домов. Сегодняшнюю «командиршу» ничто не отличает от ей подобных, коих граф насмотрелся за почти девяносто лет. Эта и правда сложная, холодная, угловатая. Тонкие запя-

стья, высокие скулы, нездоровая бледность – будто вышла из бульварных романов прошлого столетия. Суккуб, вампирша во тьме ночной и, не сомневайтесь, какая-нибудь Маруся, Иванова дочь при свете дня. Кем она себя называет сейчас? Воплощением Святой Марии? Может сложным именем с отсылкой к античным эпосам? Скажем, Кассандра или Мельпомена? Нет, у этой недостаточно холода и безразличия в глазах. Видимо, недавно практикуется в этой роли. Старается производить впечатление, но не переигрывать. Роза. Да, скорее всего Роза, Розалия, Розмира...

– Роза Лесаж, – все тем же тоном произнесла шарлатанка.

Юсупов едва сдержался, чтобы не хлопнуть себя по лбу. Нет, ему и самому пора организовывать спектакли с полетом в иное измерение. То-то спросу будет... и смеху. А уж папеньке как понравится – разнесет весь кабинет в крошку.

Прижав кулак ко рту, Юсупов скрыл ухмылку. Интересно, сколько продлится это представление? Десять минут? Может двадцать? Или до первого обморока?

– Меня зовут Роза Лесаж, – повторила медиумица. Ну а как ее еще назвать-то? – Я из древнего рода. Воплощалась жрицей в Древнем Египте, затем хранителем знаний в ордене Тамплиеров. Была ученицей самой мадам Ленорман. Имею посвящение третьей степени магического ордена Золотой Зари. Знаю прошлое и вижу грядущее.

Ее голос напоминает волны, которые накатывают на берег с удвоенной-утроенной силой сна и снова. Тон не меняет-

ся, лишь чередуется интенсивность – от властного к почти заискивающему. Хм, может Роза не так и проста, как кажется. По крайней мере, технику гипноза освоила.

– В призыве духов умерших есть правила, – продолжила та. – Блюсти тишину. Света не разжигать. Рук от стола не отнимать. И ни коем случае...

Шарлатанка выдержала театральную паузу и окинула гостей тяжелым взглядом.

– Ни в коем случае не прерывать сеанс. В противном случае дух не сможет вернуться в астральный мир. Будет скитаться здесь, среди вас, питаться вашими чувствами, вызывать дурные сны, путать мысли. Держите магический круг и тянитесь к свету, – закончила она.

На этих словах участники сеанса переглянулись и плотнее сомкнули руки. Некоторые даже прижались плечами. Остальные зрители переминаются с ноги на ногу, встают на цыпочки, перешептываются.

– Я призываю дух... – Роза запнулась.

– Михал Сергеича, – напомнила ей дама напротив. Уже в летах, но все еще с роскошными локонами и такими же роскошными бриллиантами в ушах, на шее и на пальцах.

Интересно, сколько из этих украшений сегодня переключит в карман медиумы?

– Михаил Сергеевич, – томно повторила Роза. – Приди! Приди! Мы призываем тебя.

С минуту не происходит ровным счетом ничего. Публика

успела заскучать. Шепотки стали громче, а шарканье каблучков – настойчивее.

– Приди, дух! Призываю тебя! – сорвалась на крик Роза.

Под потолком что-то лопнуло и осыпалось осколками хрустали с многоярусной люстры. Публика ахнула. Кто-то даже взвизгнул совсем не женским голосом. Юсупов же сохраняет непроницаемое выражение лица. Темнота ему не помеха. Он хорошо видел, как из-за шторы в самом углу мелькнула тонкая рука с предметом, похожим на рогатку. Серьезно?

– Не размыкайте круга! – скомандовала Роза. – Спрашивайте.

– Земельный надел в Псковской губернии, – срывающимся голосом сказала дама в бриллиантах, – переписать на младшенькую Ирочку или продать на аукционе? Невестка-то давно на меня зуб точит. Со свету сжить хочет, а я на своем стою и...

– Ответь! – перебила ее Роза и погрузилась в молчание.

Она опустила голову, закрыла глаза, сделала несколько нервных движений плечами, локтями. Потом и вовсе ее как озноб прошиб, и угри в панталоны залезли. Задергалась, завздыхала, завывала утробно.

– Не дай... не дай невестке погубить себя, – раскачиваясь в наигранном экстазе, не своим голосом вещает Роза. – Надел себе оставь... себе. Будет тебе знамение в грядущем месяце. Купец найдется. Сынок у него юродивый... так и узнаешь его. С ним не торгуйся. Человек он божий. Ему заве-

щай... скажи, гхык... гхык... скажи, должок от Михал Сергеича уплачен. Гхык... ой, не могу больше... гхык... горю вся, горю-ю-ю!

Стол загудел, затрясся. Зрители заохали-заахали, заозирались друг на друга.

– Круг! Держите круг, – тем же загробным голосом приказала Роза.

От люстры снова откололись хрусталики и со звоном покатались по полу. Участники спиритического сеанса с напряженными лицами удерживают руки на столе. Бросают взгляды, полные страха. Еще секунды вздохов, гула ножек стола и тряски – и все смолкло.

Роза откинулась на стуле и хрипло сказала:

– Ушел.

Шепот перерос в гомон. Гости потянулись к шарлатанке. Каждый предлагает свою цену, спрашивает, когда можно ожидать визит с того света и так далее. Юсупов протиснулся прямо к портьеру. Едва заметным движением ухватил тонкое, почти детское запястье. В ответ услышал недовольное шипение. Из полумрака на него уставились круглые, но испуганные, скорее наглые глаза. Пареньку от силы лет пятнадцать, даже пух над губой не пробился.

– С рогаткой сам придумал? – вполголоса спросил Юсупов.

– Не рогатка это, – буркнул парень и вырвал запястье. – Сдадите?

– Да зачем мне? Представление хорошее, но с люстрой ты зря. Хрусталь нынче дорогой. А этот – итальянского производства.

Парень поджал губы, но глаз не опустил. Так и пялится с вызовом. С ним держи ухо востро.

– Вот что. Придешь завтра к булочной на Малой Конюшенной. Знаешь где?

Парень кивнул.

– Работу тебе дам. В театре, – сказал Юсупов и подмигнул. – С канатами занавеса справишься?

– Знамо дело, – ответил тот. Затем забегал глазами между портьерой и окнами и спросил, – точно не сдадите?

Юсупов хмыкнул, сунул руки в карманы и небрежной походкой направился к выходу из зала. Что ж, сходить в салон оказалось хорошей идеей. По крайней мере, два новых знакомства у него заимелось. Осталось понять, насколько они многообещающи.

Николай сидит смурной, прикрыв глаза ладонью. Мало того, что не соблазнил никого на этот вечер, так еще и напиться не удалось. Автомобиль дважды подпрыгнул на ухабах, рыгнул выхлопом и продолжил движение по ночному Петербургу.

Юсупов плотнее закутался в пальто, поправил шарф. Он знает, как брату хочется выпить. До дрожи в коленках, до зубной боли, до рычания откуда-то из глубин животной

натуры, что кроется в каждом. Все это граф проходил долгими днями и ночами после обращения. Вот только тяга к крови никогда не сравнится с тягой к опиуму или спиртному.

– Я нашел нам помощника для работы с декорациями, – нарушил молчание Юсупов. – Подтяну его к твоей новой постановке. Сделаем движущийся экран.

– Угу, – только и ответил Николай.

– Пригласим Муравьевых, Зубовых, может Северянина с Ларионовым.

– Угу.

– Думаю, тебе пора расширять труппу. Папенька никогда не одобрит твоего театрального увлечения. Но есть маман...

– Угу.

– Тебя сама графиня Воронцова-Дашкова похвалила. Думаю, после такого заявления маман найдет управу на черствое сердце папеньки. А там, глядишь, он и уступит семейный театр.

Даже после такой фантазии, которая давно видится в грезах Николаю, тот не дернул и подбородком.

– Все еще тянет? – спросил Юсупов.

– Я будто ничего не чувствую, – сквозь рокот автомобиля отозвался Николай. – Будто вообще не способен больше чувствовать без опия или спиртного. Эти демоны всю душу из меня выпили, свели с ума. Как теперь жить?

– Жить надо. Перерывы между наркотическими ломками – это не жизнь. Ты ведь актер. Сыграй чувства, пока сам

в них не поверишь.

– *Это* тебе помогло после обращения?

Юсупов дернул уголком рта и ответил не сразу:

– Со мной было все иначе. К тому же, я не настолько талантлив, как мой брат. Потому у меня ушло гораздо больше времени.

Николай наконец открыл глаза и покосился на брата.

– Ты хорошо держишься, – сказал Юсупов. – Продержись до лета, а там – махнем в Лондон или в Париж. Я говорил тебе, что подумываю пойти на учебу в Оксфорд?

Этот вопрос-таки вызвал ухмылку на лице Николая. Значит, все не так уж и плохо. Совсем неплохо.

Глава 3. М. фон Г.

Пѣтѣрбургскій листокъ, №22, 22 января 1908 года

Назначено бракосочетанія дочери контр-адмирала А. Гейдъна и офицѣра А. Мантѣйфеля

«Намѣдні на балу въ Таврическомъ дворцѣ было объявлено о грядущемъ бракосочетаніи дочери контр-адмирала А. Гейдъна – Маринѣ и ротмистра А. Мантѣйфеля.

Будущія молодожѣнѣ познакомились въ концѣ прошлаго года. Арвідъ Эрнѣстовичъ увидѣлъ Марину Алѣксандровну въ Мариинскомъ театрѣ. И ужѣ черѣзъ нѣсколько днѣй почтилъ ее родительскіи предложѣніямъ.

Дѣбютантка сѣзона фрѣйлина импѣратрицѣ Марина Алѣксандровна получила извѣстность благодаря своей красотѣ и умѣнію танцѣвать. Авридъ Эрнѣстовичъ къ своимъ двадцати восьми годамъ ужѣ командуетъ гвардѣйскимъ коннымъ полкомъ лѣйб-гвардіи Его Вѣличества.

Бракосочетанія назначено на 23 апрѣля 1908 года. Известно, что ужѣ начались свадебные хлопотѣ.

Пошивъ платья изъ бѣлаго шелка съ пѣной кружевъ и жемчужинъ поручено лучшей модисткѣ Пѣтѣрбурга...»

Юсупов зашуршал газетой и отпил кофе. Как любопытно выходит – дебютантка сезона и уже сосватана? Не поторопились ли родители? Все же граф Мантейфель – не самая выгодная партия. Да и невесте недавно исполнилось девятнадцать. Уж пару сезонов еще можно потерпеть.

Лично с Арвидом Юсупов не знаком, но кое-что слышал. Участник русско-японской войны, боевой офицер, громкой фамилии не имеет. На чем же настояли родители невесты? На схожем происхождении? На знании языков? Безусловно брак дворянки с военным – не новость. Посмотрите на супруга Зинаиды Юсуповой – тоже ведь не дворянина выбрала. До сих пор не все понимают ее выбора. И что только такая яркая, богатая и обворожительная нашла в солдафоне? Юсупов потер подбородок и не притронулся к завтраку.

А эта Гейден – еще та кокетка, что ее в летах даже простиительно. Другое дело, что в ту их встречу она не просто намекала. Разве что не кричала!.. Но может грядущая свадьба поумерит ее пыл, в чем граф тут же усомнился. Нет, только не такая женщина. К ее ногам будто моторчики приделаны, а кожа светится... и этот взгляд. Черт, да она – еще та головная боль.

– Берешь плохой пример? – прервал его размышления Николай, усаживаясь напротив.

Выглядит свежо. Волосы зачесаны, на щеках ни намек на щетину. Приятно пахнет одеколоном. Рубашка застегнута на все пуговицы. Под воротом упирается острый кадык. Трезвость брату определено к лицу.

– Это все новая кухарка, – отозвался Юсупов, повозив вилкой в омлете с беконом и голландским сыром. – Схватывает быстро, но до сих пор не научилась отличать сыры. Вчера напекла гренок с сыром и сомнительными приправами. Отдать бы собакам, да и у тех случится несварение.

Николай хмыкнул и принялся за уже остывшую овсянку с брусничным джемом.

– Когда назначена читка? – спросил Юсупов.

– Сегодня в пять. Придешь?

– Конечно.

Очередной благотворительный спектакль в пользу добрых дел государыни, где дозволено сыграть дворянским особам на правах «специальных гостей», запланирован на конец месяца. Пока Николай увлечен театром, его настроение по-прежнему напоминает неуправляемую бурю, но хотя бы творческую, а не наркотическую. Труппа собрана, сейчас период читки, а затем – долгих часов репетиций, в которые старший брат погружается так же, как в теннис.

– Фамилия Гейден тебе о чем-нибудь говорит? – самым обыденным тоном спросил Юсупов.

У Николая между бровей пролегла складка, темные брови сдвинулись.

– Не припомню, – ответил он.

– Я имел удовольствие познакомиться с некоей графиней Гейден в салоне у Воронцовых-Дашковых. Говорит, тоже увлечена театром. Тебе как раз, кажется, нужна пассия для роли, напомни какой?

– Труппа собрана, – отрезал Николай. – Чего тебе эта Гейден?

Юсупов пожал плечами и отмахнулся.

– Ничего, – сказал он. – Она уже сосватана, так что мой интерес – чисто творческий. Все ради искусства.

Он подмигнул брату и поднял чашку с кофе, предлагая чокнуться. Николай хмыкнул и промолчал. Видимо, безвкусная каша занимает его куда больше грядущей постановки.

Когда сам Юсупов приспособлялся к вампирской жизни, тоже старался отвлекаться на что угодно. На еду, что даже с букетом специй отдавала травянистым вкусом. На вина, даже лучшие крымские или французские, которые скорее напоминали уксус. На фехтование до изнеможения, которое не наступало даже после тренировок по четыре-шесть часов кряду.

Тихий стук каблучков разбавил звяканье чашек с кофе. Слуга склонился с серебряным подносом, на котором лежит пачка писем, записок и визиток. Юсупов принял и начал перебирать. Приглашения в салоны, на званые обеды и ужины. Визитки от только что открывшихся магазинов кофе, табака

и салонов головных уборов. Пара записок от Шурочки Муравьевой Юсупов узнал сразу по слишком терпкому аромату, исходившему от бумаги. Боже, она будто полощет письма в тазу парфюма. Брезгливым движением он отложил письма на край стола. Еще несколько записок передал Николаю – поклонницы не оставляют надежд на взаимность. Тот даже не взглянул на них. Отодвинул в сторону и переключился на омлет.

Хрустнула восковая печать, зашуршала плотная бумага. Юсупов пробежал глазами, потер висок и сказал:

– Мы приглашены на ужин артистов-любителей. Расскажешь о подготовке, может споешь пару своих романсов. Что скажешь?

Николай пожал плечами, что Юсупов воспринял как согласие. Подобные ужины – не редкость. Это способ объявить о премьере, разогреть интерес, заодно завести полезные знакомства. На одном из таких ужинов Николай был представлен самому Станиславскому, от игры которого последний оказался в восторге. И даже предлагал место в своей театральной труппе. Папенька скрепя сердце дал согласие, а вот сам Николай не проявил особого интереса. Тогда его увлеченность опиумом была сильнее творческих амбиций. Но может в этот раз свезет...

Ресторан «Кюба» на Большой Конюшенной славится не только высокой публикой, но и высокой кухней. В 1903м

здесь проходил торжественный завтрак для императорской семьи в честь 200-летия со дня основания Петербурга – с перепелиными яйцами, запеченными в золе и тертыми рябчиками. Однако сегодня в меню – черепаховый суп, который Юсупов не любит. Блюдо отдает необъяснимым духом. Непонятно, чем оно так излюблено царем-батюшкой?

Осетрина заварная, соус раковый, филе де-беф, соте Жуанвиль. Воздушные и кремовые десерты. Вина в хрустальных графинах приятно поблескивают в вечернем свете. Вазы с цветами в виде фруктов и с фруктами в виде цветов.

Гостей по суеверным обычаям рассадили так, чтобы число не составляло тринадцать человек за одним столом. Уже прозвучало несколько тостов за здоровье, за родину, за искусство. Так что Юсупов порядком успел заскучать. Жеманные улыбки и недвусмысленные намеки от придворных дам и не совсем умелых актрис выглядят пошло. Но воспитание обязует отвечать, балансируя на тонкой грани взаимной симпатии и допустимой дистанции.

Юсупов поглядывает на брата поверх бокала с вином. Тот склонился к соседке за столом и сосредоточенно слушает ее болтовню. Тарелка его почти пуста, а бокал – полон. Хороший знак.

Ужин дважды прервали для танцев и перекура. Разговоры стали более расслабленными. Готовящийся спектакль обсудили со всех сторон, так что теперь труппе Николая не отвертеться – навешали ожиданий, чего уж.

Но беспокоит Юсупова совсем не спектакль и не будущая оценка самой императрицы Марии Федоровны. А вот эти голубые глаза, которые бросают сноп искр, едва Николай оказывается в поле зрения.

– Очень приятно, графиня...

– Мне о вас много сказывали...

– Поздравляю с помолвкой...

– Вы так блистательно танцевали намедни...

Марина Гейден явилась на ужин и объявила об участии в постановке. Брови Юсупова поползли вверх, а Николай дернул уголком рта. Оказалось, императрица желала видеть свою фрейлину на сцене. Какое очарование, какая милость и, черт побери, какие хлопоты!.. Эта женщина без стеснения заигрывает с каждым. Без шуток – с каждым мужчиной, кто даже мельком на нее взглянет. Такое чувство, будто ее цель – завладеть вниманием, пусть и на грани приличий.

Нет, к постановке ее допускать никак нельзя. Юсупов не ошибся в первом впечатлении о Марине и явно поспешил замолвить за нее словечко Николаю. Сам Николай вряд ли об этом помнит, а вот Марина оказалась гораздо искуснее и хитрее. Кто посмеет перечить воле вдовствующей императрицы?

Зная характер Николая, он не проигнорирует искристый взгляд этих голубых глаз и соблазнительные движения этого тонкого тела. Все же придется брать удар на себя.

– Я восхищен вашей хитростью, – сказал Юсупов, присев

на освободившийся стул рядом с Мариной.

Блондинка обернулась, совсем на миг ступевалась, затем просияла и ответила:

– Вы зовете меня плутовкой? Думаете, роль в пьесе я выпросила своим положением?

– Что вы, – промурлыкал Юсупов. – Будь я на вашем месте, непременно взял бы главную роль, сорвал бы все оvationи и еще долго зачитывался заголовками в прессе. Поздравляю.

Они чокнулись бокалами, но пить не стали.

– На вас роли не нашлось? – спросила Марина.

– Предпочитаю быть тенью режиссера, – подыграл Юсупов. – Завязывать тесемки на костюмах, изображать дерево, под сенью которого герои признаются в своих чувствах.

– А я слышала, вы выступаете сольно перед мужской публикой и разбрасываетесь жемчугами и рубинами.

– Не все то правда, что говорят нетрезвые посетители дешевых кабаков. Зато в газетах не обходят стороной истории, подобные вашей. Примите мои поздравления с помолвкой.

Марина на миг сникла, отвлеклась на вино, которое явно пить не хотела. Облако эмоций потускнело.

– Ротмистр – блестящая партия для дебютантки сезона, – добил Юсупов.

Марина поджала губы и оперлась на руку с бокалом.

– Вы очень добры, граф.

На сим светский разговор, полный колкостей, можно считать оконченным, но Марина оставила последнее слово

за собой.

– А что ваш брат? Представьте меня. Нам на одной сцене срывать овации, а может признаваться в своих чувствах под сенью дерева.

Юсупову пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы не скрипнуть зубами и выдать самую благосклонную улыбку.

– Извольте.

Они поднялись и направились к Николаю. Тот широко улыбается даме в темно-зеленом платье по правую руку от него. Кажется, разговор идет самым лучшим образом. Давно Юсупов не видел брата таким живым.

– Николай, позволь представить тебе Марину Александровну графиню Гейден, – начал Юсупов. – Я упоминал о ней.

Николай поднялся и с поклоном принял ладонь Марины. Хм, ему-то она преподнесла для поцелуя, а не для пожатия. Ну вот что с ней делать?

Марина же наигранно округлила глаза и вставила:

– Вы говорили обо мне?

Николай на миг стушевался и ответил:

– Женщины в мужских разговорах не редкость.

Юсупов мысленно выдохнул и похвалил брата. А вслух произнес:

– Марину Александровну протезирует сама императрица. Великая ответственность ложится на твои плечи, брат.

– Сделаю все, что в моих силах, – ответил Николай и отвел

глаза.

Марине это не понравилось. Она коснулась пиджака Николая и с вызовом сказала:

– Прошу, не берите на себя столько. Я разделю вашу ответственность. Мне нельзя ударить в грязь лицом перед Ее Величеством. Когда читка? Непременно жду от вас расписания репетиций. Знаете, я так долго упражнялась в танцах. Нагрузки мне не чужды.

Николай кивнул и ответил, что сообщит о ближайшей творческой встрече. Повисла неловкая пауза, из-за чего в глазах Марины блеснуло разочарование? Обида? Недоумение?

Юсупов перехватил инициативу и пригласил ее на танец. Кажется, Марина ожидала приглашения не от него и согласилась скорее машинально, чем сознательно. Протянула ладонь и весь танец то и дело поглядывала на спину Николая.

Несколько читок Юсупов пропустил из-за светских и не только встреч, которые перенести или отложить было ну никак нельзя. На вопросы «как все прошло» Николай отмывается. Непонятно, что и думать – не то Марина и вправду не произвела на него впечатления, и нечего тут переживать. Не то Николай умело скрывает свое отношение. Да только своим особым зрением Юсупов так и не увидел ни намека на страсть или хотя бы нездоровое влечение. Может обойдется?

На репетицию Его Светлость явился с опозданием – лопнуло колесо автомобиля, из-за чего пришлось ловить извозчика и еще раздавать наставления, куда отправить машину на починку. Пока добрался, разыгрался аппетит. Мысленно пообещав себе хорошую порцию крови нынешним вечером, Юсупов преодолел ряды сидений и разместился с края у лестницы.

На сцене трое молодых людей отыгрывают дуэль, путаются в последовательности движений, забывают слова. Юсупов покосился на брата. Тот сидит напротив сцены и потирает лоб. Николай начал закипать.

– Стоп! – скомандовал он. – Вы готовитесь умереть! Где ваша честь? Где самоотверженность? А вы будто у болота собрались куропаток пострелять! Еще раз!

Актеры стыдливо опустили глаза, что-то переговорили и заново начали читать диалог. Юсупов окинул других актеров по соседству с братом. Несколько знакомых лиц с трудом прикрывают зевоту. Один вон и вовсе откинулся на сиденье, скрестив руки на груди и прикрыв глаза. Ну хоть не храпит.

– Я сказал живее! – взорвался Николай и вскочил. – Вы еще не выстрелили, а уже будто померли. От вашей игры императрица уснет быстрее, чем от колыбельной. Блеск в глазах! Мне нужен блеск в глазах и страсть к жизни!

– Позвольте мне?..

Из-за кулис нарисовалась точеная фигурка. Марина сделала несколько шагов на сцене и уселась вполоборота.

– Возможно им трудно показать страсть, не имея стимула, – сказала она. – Представьте, что стреляетесь из-за меня или из-за любимой женщины, которую оскорбили.

Актеры на сцене переглянулись, ожидая одобрения Николая. Тот поиграл желваками, переводя взгляд с Марины на молодых людей. Кивнул и с нетерпением вернулся на место. Марина кокетливым движением откинула светлые локоны, оголяя шею. Хитра, чертовски хитра...

К слову, репетиция пошла бойчее. Актеры вошли во вкус, да так что готовы были и вправду впиться друг другу в глотки. Юсупов разволновался, как бы не пришлось разнимать мужчин. Но положение спас Николай. Поднялся и зааплодировал, похвалил за достойную игру и объявил перерыв.

Актеры с облегчением выдохнули, покинули сцену и зал. Марина лишь на миг бросила взгляд на Николая, затем перевела на младшего брата. Дернула уголком губ и тоже вышла на воздух.

– Покурим? – предложил Юсупов.

Николай принял сигарету и повел к выходу.

– Черте что, – пробурчал он. – Бардак, а не репетиция. Они хуже навозных мух! Ноют, а не читают диалоги. Такое стыдно ставить даже плебеям.

– Скажи громче про навозных мух, и они точно превознесут тебя до небес, – ответил Юсупов. – Порой кнут действеннее пряника. Кстати, о прянике. Как тебе фрейлина?

Николай насупился, будто не сразу понял, о ком речь.

– Бесталанной не назовешь, но до больших ролей ей далеко, – сказал он. – Посмотрим, как дальше пойдет. Время поджигает, а спектакль рассыпается! Ну куда такое?..

Юсупов похлопал брата по плечу и сказал обыденное «ты справишься». Стоит отметить, в силу убеждения и навык держать труппу Николая он искренне верит. Как-никак Николай руководит любительским театром уже четыре года. Настойчивости ему не занимать.

– Ты-то сам не надумал? – спросил Николай, выдыхая дым.

Юсупов помотал головой и сказал:

– Это твое дело и твой успех. Со мной больше хлопот, чем толку. Когда захочешь передохнуть, организовав представления французской певички или, скажем, цыганской особы, дай знать. У меня есть пара заученных песен.

На календаре январь сменился февралем, а уже весна отстаивает свои права. Слякоти под ногами все больше, почки на деревьях все толще. Пахнет сыростью и надеждой о скором тепле. И пусть статуи в Летнем саду еще укрыты деревянными ящиками как саркофагами от непогоды, но гулять приятнее, чем в том же ноябре.

Петляя вдоль дорожек, Юсупов вспомнил, как лет пятьдесят назад здесь появился памятник баснописцу Крылову, авторства Петра Клодта. Изначально хотели установить монумент на Васильевском между зданиями Университета и Ака-

демии наук, однако позже выбор пал на Летний сад. За год собрали пожертвования, и уже в середине мая 1855 года скульптуру презентовали широкой публике.

Пьедестал из тёмно-серого гранита украшен горельефными композициями на сюжеты наиболее прославленных крыловских басен. Сам баснописец сидит в просторном пальто на камне и держит в руках раскрытую книгу. У его ног копошится волк, лиса, медведь, журавль, жабы и прочая живность.

Говорят, место для памятника выбрано неспроста, ибо Иван Андреевич любил Летний Сад. Частенько здесь прогуливался, осмысляя будущие творения. Другие говорят, что на месте нынешнего монумента некогда стоял памятник другому баснописцу – Эзопу.

А Вяземский и вовсе рассказал, будто однажды во время прогулки в саду баснописцу приспичило по большой нужде. Хватить в карман, а бумаги нет. Укрыться есть где, а, пардоньте, подтереться нечем. На счастье, встретил на аллее знакомого графа и спросил, нет ли у того чего новенького. Обрадованный граф похвастался, будто давеча получил из типографии отпечатанное свое стихотворение. Протянул публикацию. Иван Андреевич же попросил сразу несколько экземпляров. Так баснописец и уважил друга-поэта, и свою потребность удовлетворил.

Юсупов усмехнулся воспоминаниям, еще раз окинул взглядом высоченный монумент и пошел дальше. Он увидел

Марины издалека. Маленькая фигурка с подчеркнутой талией. Длинная коричневая юбка, такое же пальто, отороченное мехом. Волосы прикрыты шляпкой с узкими полями и черной вуалью с бусинами. Юсупов узнал бы ее даже с закрытыми глазами. От Марины исходит сияние с тонкими разрядами. Будто сверкает один большой бенгальский огонек.

Граф поправил воротник и натянул самую дерзкую из своих улыбок.

– Какой хороший вечер вы выбрали для встречи, – сказал он. – Пусть темнеет рано, зато уже по-весеннему тепло.

Да, определенно глупо начинать беседу про погоду. Но чего душой кривить, он явился сюда не из романтического настроения. Тоненькая фигурка развернулась. Глаза, прикрытые вуалью, сначала округлились, а затем сощурились. Между бровей пролегла выразительная складочка.

– Граф? – сипло произнесла она. Затем взяла себя в руки и добавила: – Я не ожидала вас здесь увидеть.

– Разве? Может я неправильно понял посыл из вашей записки? «Встретимся у скамьи сразу за памятником Крылова. Как трепетно ожидание, и как сладок миг, когда увижу вас снова».

Марина сцепила руки в бархатных перчатках, захлопала глазами и несколько раз беззвучно открыла рот.

Когда вечером слуга принес новую пачку писем, Юсупов принял не глядя. На ходу перебрал важные от воздыхательных. Выудил одно, на котором значится имя брата – возмож-

но слуга просто не доглядел. Решил самостоятельно занести в его спальню. Николая там не оказалось, зато на секретере высится такая же пачка посланий в плотной бумаге с витиеватыми подписями. Больше всего выделялось одно – миниатюрное, обвязанное голубой лентой. Почему-то именно этот факт напомнил о голубых глазах новой знакомой. И граф почти не удивился, когда при вскрытии записки обнаружил аккуратный почерк с сильным наклоном вправо и инициалами «М. фон Г.».

Совершенно не стыдясь своего поступка, Юсупов подхватил записку и прочитал дважды уже в своей спальне. Марина самым томным образом раскучерявилась в признаниях и необъяснимом желании скорейшей встречи. Можно было бы сжечь послание от греха подальше, но эта женщина просто так не успокоится. Без пяти минут жена Мантейфеля самым беспардонным образом соблазнила Николаем и теперь закидает его знаками внимания. Нет, ее надо опередить на несколько шагов, дабы не накликать позора сразу на три семьи.

Юсупов наспех сообразил ответ, отправил вместе с посылным. И начал готовиться ко встрече, репетировать возможные варианты беседы. Решил, что лучшим способом отвадить нездоровую симпатию Марины от Николая – просто пристыдить.

– «М. фон Г.», – процитировал Юсупов. – Это ведь ваши инициалы.

– Это какая-то ошибка, – затараторила Марина. – Я ничего подобного не присылала. Мало ли у кого из ваших поклонниц такие инициалы.

– Тогда почему вы здесь? Я ответил запиской на ваше предложение о встрече. И вы пришли сюда явно не случайно.

Вмиг Марина сжала руки в кулачки. Губы вытянулись в тонкую нитку.

– Это письмо адресовано не вам. И вообще верх неприличия читать чужую переписку, – сквозь зубы процедила она.

Юсупов выдал наигранное удивление и ответил:

– Выходит, я все же неправильно вас понял. Но если записка по ошибке доставлена мне, тогда кто же истинный адресат?

Особым зрением граф увидел, как бенгальский огонек сменила серая грозовая туча. То, что нужно.

– Неужто ваша симпатия к моему брату настолько сильна, что вы забыли о рамках приличия и здравом смысле? – похолодевшим тоном сказал Юсупов.

Он встретился с ней глазами без намека на пощадку.

– Вы – уже невеста. Негоже вертеть хвостом за месяц до свадьбы.хлопот не оберетесь, графиня.

– Вы мне не указ! – выпалила Марина. – Что вы знаете о рамках приличия, когда сами устраиваете балаган каждый свободный вечер?!

– Мы с вами не ровня.

Марина фыркнула, отвела глаза и собралась.

– Вот как мы поступим, – перехватил инициативу Юсупов. – Я ничего не скажу вашим родителям и вашему будущему супругу. Уберегу вас от позора. А вы оставите свои притязания на моего брата. И забудем этот инцидент как неловкую шалость. Идет?

Глаза Марины наполнились слезами, но ни одной капли не скатилось по щекам. Графиня сжала губы, будто готовясь плюнуть в лицо нахалу. Развернулась на месте и пошла прочь. Удалившись на десяток шагов, выругалась совсем не по-женски на французском.

У Юсупова в груди растеклось приятное тепло, как от крымского вина или терпкого коньяка. Слегка пританцовывая, граф направился к выходу из Летнего сада.

Глава 4. Самая паскудная фраза

Если вы думаете, что прошлая встреча в Летнем саду остудила пыл Марины Гейден, то ошибаетесь. Ошибся и сам Юсупов, но узнал об этом слишком поздно. Сначала по косвенным признакам – внезапные отлучки брата, вернувшиеся срывы и скандалы на пустом месте, бесчисленное количество выкуренных сигарет. А потом и по самым прямым признакам... Один из них Юсупов видит перед собой прямо сейчас. Его просто нельзя игнорировать и оставить, как есть. Ч-черт!..

Подготовка к спектаклю и само представление оказалось выше всяких похвал. Ожидания оправданы, громкие речи произнесены, материалы в прессе с хвалебными заголовками опубликованы.

Папенька не смог явиться ввиду отлучки куда-то на Кавказ по служебным делам. А вот маменька никогда бы не пропустила такое. Юсупов привел ее в зал, придерживая под руку, как самый прилежный и благовоспитанный сын. Гости осыпали их обоих комплиментами и долго не могли отвести глаз. Юсупов их понимал, так как сам то и дело поглядывал на Зинаиду Николаевну, любясь ее профилем, бриллиантовыми украшениями, красиво уложенными волосами. Чувствовал аромат ее духов – пачули и гибискуса. Да, быть сыном этой женщины, хоть и неродным, ему определено по-

везло.

В первых рядах по соседству появились лица государя с государыней, вдовствующей императрицы-матушки, нескольких великих князей с супругами. В глазах зарябило от блеска драгоценных камней, золотых и серебряных оторочек костюмов и платьев. Как обычно, обменялись любезностями с привкусом тонкого юмора, ответили взаимными поклонами, кивками и рукопожатиями. Зинаида Николаевна все поглаживала колье, задумчиво скользя взглядом по бардовому занавесу. И без особого вампирского зрения Юсупов знает, что такое движение выдает трепет и волнение.

В Николае сомневаться не приходится. Он действительно со всей ответственностью подошел к подготовке представления. Порой возвращался с репетиций за полночь. Изможденный, но с хорошим аппетитом и осмысленным взглядом. Маменька отметила, что тот заметно схуднул. Подтвердить это Юсупов не смог, так как Николай и без того не отличается внушительной комплекцией. С братом говорить в недели работы над спектаклем толком не удавалось. Главное, что смог выудить из скудных бесед, Марина больше не оказывает знаков внимания. Либо Николаю просто на это наплевать. Оба варианта Юсупова вполне устраивают. Так что внутренняя пружина ослабла.

Кто б мог подумать, во что обернется такое затишье...

Представление решили делать покороче и без антракта. На сороковой минуте стало душно настолько, что букет ду-

хов и одеколонов начал горчить на языке. Дамы обмахивались веерами, мужчины обмакивали лбы платками. Страсти на сцене разгорались. Николай в главной роли, конечно, блистал. Юсупов с большим удовольствием наблюдал за горящими глазами брата, за его самоотдачей и поистине сильным талантом. Что ж, может удастся папеньку убедить уступить домашний театр для постановок сына? Николай ведь хорош в своем деле!

Сноровка мальчишки, с которым Юсупову довелось познакомиться в салоне Воронцовых-Дашковых, очень пригодилась. Движущиеся драпировки заднего плана добавили динамики спектаклю. Судя по шепоткам и ропоту, гости отметили такое решение.

А вот Марину Юсупов признал не сразу. Та исполнила роль барыни-горбуны, и надо признать, недурно. Выглядела комично, чем вызвала одобрителный смех зрителей.

Когда актеры вышли на поклон, внушительная часть оаций была обращена таланту Марины. К сцене подобрался высокий офицер – никак жених? – с большим букетом. Марина приняла и послала воздушный поцелуй.

Юсупов знал, что после спектакля актеры обязательно устроят быстрый междусобойчик в гримерке. И уже потом окажутся в ресторане для высоких господ с такой же высокой кухней. Потому, оставив маменьку в компании придворных дам, граф скользнул за сцену. По пути встретил того самого паренька с наглым взглядом, взлохматил ему вихры и похва-

лил за работу над занавесом. Тот просиял и отвесил поклон.

Как и в любой примерке среди актеров, разговоров, смеха ступить негде. Протискиваясь, Юсупов отвешивал похвалу, дежурные фразы восхищений и иногда искренние комплименты.

Раздался хлопок, затем еще один, зашипело шампанское, звякнули бокалы. Николай вырвался из одних объятий, чтобы утонуть в других.

– Феликс! – обратил он наконец внимание на Юсупова и похлопал по-братски спине. – Что маман? И как тебе?

– Моего словарного запаса не хватит, чтобы передать весь поток впечатлений, – ответил Юсупов. – Прими мои поздравления! С премьерой.

– Все слышали?! – с широкой улыбкой сказал Николай, обращаясь ко всем. – С премьерой!

Еще раз звякнули бокалы, проливая шампанское на пол, обувь и подола платья. Меж артистов мелькнули знакомые голубые глаза. Юсупов приподнял бокал, выказывая уважение Марине. Та запрокинула голову, рассмеялась чьей-то шутке и отвела взгляд. Но тут же рука Николая стиснула плечи Марины и подтянула к Юсупову.

– Феликс, ты видел? Видел, как она клюкой наддала? – спросил Николай.

– Видел, – ответил Юсупов с легким кивком, – горбунья из вас что надо.

– Вы очень добры, граф, – проворковала Марина и теснее

прижалась к Николаю. Протянула бокал, дзынькнула и выпила до дна.

В такой концентрации общего веселья Юсупов не различил эмоций Марины. Но ее взгляд говорит сам за себя. Нет, она не успокоилась. Даже когда Николай отстранился за новой бутылкой шампанского, та ловит его глаза, что-то щебечет и всеми силами стремится коснуться. Можно списать все на экстаз после напряжения от долгих репетиций. Но Марина не льнет так больше ни к кому, хотя мужчин здесь хватает.

Оставив бокал, Юсупов обхватил локоть брата и проговорил на ухо:

– Увидимся в ресторане.

Николай рассеянно кивнул, разливая шампанское в протянутые бокалы.

В ресторане разговоры звучат ничуть не тише, чем в гри-мерке. Когда артисты явились и пополнили ряды высоких гостей, беседы пошли еще более оживленно. Графини и князья то и дело менялись местами, желая переговорить с глазу на глаз с актерами. Чокались, выпивали, снова менялись местами – и так далеко за полночь.

Юсупов наконец познакомился лично с Арвидом. Высокий, сухой, с лихо закрученными усами. Не сводит глаз с будущей супруги, разве что не носит подол ее платья. А вот сама Марина порхает как стрекоза, будто она сыграла главную роль, и вся пьеса написана исключительно для нее.

Ревности в женихе Юсупов не ощутил, а вот напора ему не занимать. Он абсолютно уверен в своем выборе, в их с Мариной будущем. И вообще ему весь этот творческо-театральный пафос глубоко до фонаря. Скорее всего он думает, что невесте вскружил голову успех и общее ликование. Что она еще успокоится, остепенится. И что в ее мыслях, как и в его, главное – грядущая свадьба.

Хотел бы Юсупов отсыпать себе немного его уверенности, потому как, поглядывая на поведение Марины, сам не уверен уже ни в чем. А когда мужчины поднялись на очередной перекур, тоненькой фигурки со светло-золотистыми локонами и след простыл. Желудок графа противно сжался – и нет, не от смеси алкоголя и поздних кушаний. Влекомый внутренним чутьем, Юсупов сначала проследовал за всеми в прилегающий к ресторану сад. Не найдя там Николая и Марины, лелеял надежду, будто брат задержался в уборной или, скажем, застрял в личной беседе с каким-нибудь великим князем.

Но когда, вернувшись в ресторан, Юсупов поднялся на второй этаж и прошел несколько помещений, услышал кокетливое хихиканье и знакомый баритон. Только не это...

Марина буквально повисла на Николае, обвила его шею руками и прильнула так близко, что даже объявивший целибат мужчина не смог бы сдержаться. Николай впился в губы Марины. И это не поцелуй в пьяном угаре или хмельном веселье. Это самый что ни на есть страстный, голодный

поцелуй, от которого разлетаются все мысли кроме одной – «Еще!».

Юсупов огляделся – не дай Бог кто увидит! Затем настойчиво шаркнул каблуком и сказал:

– Допустим, на тебе, братец, нет никакой ответственности. Тебе еще женихаться и женихаться. Но вы – Марина...

Граф цокнул и послал этой женщине взгляд, полный злобного предупреждения. Голубки отстранились друг от друга. Николай на миг опустил глаза, легким движением утер губы. А вот Марина скривила обиженную гримасу – надулась, щеки запылали.

– Чтобы не вызвать лишних подозрений, идите вперед. Желательно в объятия будущего супруга. И проделайте все то же, что сейчас проделывали с моим братом, – ледяным тоном скомандовал Юсупов.

– Вы – бессердечны, граф, – чуть ли не выплюнула Марина и застучала вон каблуками.

Проводив ее взглядом, Юсупов шагнул к брату и врезал по лицу. Николай отшатнулся, в глазах замешательство сменилось гневом. Он кинулся, замахиваясь кулаком. Но Юсупов перехватил, затем перехватил другой кулак, сжал с нечеловеческой силой, пока лицо Николая не скривилось от боли. Затем отпустил, толкнул к стене и процедил сквозь зубы:

– Мужской разговор.

И пока гомон снаружи, что доносился из-за окон, переместил на первый этаж ресторана, а затем разбавился музыкой,

Юсупов в популярной, а местами и в грубой, манере объяснил брату, почему тому не к лицу якшаться с без пяти минут чужой женой. Что это навлечет позор сразу на три семьи. Что папеньку наверняка понизят в звании, маменьке сделается плохо, а ему – Николаю – и вовсе несдобровать. Еще не хватало напроситься на дуэль. Арвид, как никак, командир конного полка. Поруганная честь жены ложится на честь всего полка. А значит, на Арвида просто надавят. И если в навыке стрельбы в будущем супруге сомневаться не приходится, в аналогичном навыке Николая есть о чем подумать.

Поклонниц, потенциальных и реальных любовниц у Николая – хоть отбавляй. Та же Поленька, которую он периодически именует музой и не раз укладывал в постель, куда лучшее и *безопаснее*, чем Марина, так ее, фон Гейден.

Брат, конечно, раздухарился, мол, он уже не маленький и за свою честь, жизнь готов и постреляться.

– Не стоит эта женщина твоей жизни, – усталым тоном сказал Юсупов.

– Да она стоит тысячи поклонниц и миллиона таких, как Поленька! – разорался Николай, за что получил еще одну оплеуху.

Отдышавшись, граф стряхнул невидимую пылинку с пиджака и вновь обратился к Николаю:

– Не забывайся, братец, она – не Капулетти, а ты – не Монтекки. Ты – Юсупов. Князь Юсупов. Тебе наследовать все имущество фамилии, а не воровать чужих невест.

С этим Юсупов развернулся и проследовал в гардероб. В мыслях надеясь, что на этом поцелует с Мариной Николай и остановится. Да каким бы он ни был вспыльчивым и порой неуправляемым, даже в нем есть здравый смысл. На правах не-совсем-младшего брата Юсупов будет внимать этому здравому смыслу хоть до скончания века. Благо, у него есть это время.

И это самое время полетело-поскакало в вихре забот-хлопот. Почти сразу после спектакля Юсупову пришлось навеститься на очередное заседание «Священной дружины». Князь Щербатов и бывший тайный советник Островский как всегда долго и нудно обсуждали несанкционированные пополнения в рядах вампиров. А это, знаете ли, никому не нравится – ни самим вампирам, ни охотникам, ни простому люду. Выяснилось, что графиня У. обзавелась молодым любовником. Не сдержалась в порыве страсти и загрызла того на смерть. Из-за этого теперь придется подчищать кое-какие документы, отправлять свидетелей в Симбирскую губернию.

Охотники же спутались с партийными и анархистами. И не совсем понятно, то ли в их интересах потушить разгорающийся революционный настрой, то ли, наоборот, разжечь. В Европе вон тоже беспокойно. В Лиссабоне убит король Португалии Карлуш Первый. Открытый экипаж обстрелян двумя убийцами – из числа охотников. А теперь выяснилось, целью был не король, а королева Амелия Орлеанская.

Как обычно, инструкции те же – держать ухо остро,

на рожон не переть. Обо всех несчастных случайностях докладывать напрямую Иллариону Ивановичу.

Через полторы недели у Юсупова наметился большой праздник ко дню рождения. Торжества растянулись на три дня. Предварительные письма, посылки, открытки. Затем посещение церкви всей семьей. Служба, конечно, заставила попереминаться с ноги на ногу, но не нарушать же обычаев.

Праздник во дворце продолжился в двух ресторанах. А после – в цыганских кабаках. Беготни прибавилось, что Юсупов только и успевал отвешивать поклоны, благодарности, отвечать на телеграммы и письма с поздравлениями. До большей части подарков еще не добрался.

Но вот один подарок все же особенно оценил. Великий князь Дмитрий Павлович, он же Митенька, подарил мотоцикл «Россия» производства Лейтнера. Мелкосерийное производство не заимело успеха за пять лет существования, но у Юсупова глаза загорелись. В прошлом году маменька выступила категорически против покупки мотоциклета, хоть Юсупов и говорил, что это неопасно. Да и вообще – за этим будущее.

Каким бы вампиром Юсупов ни был, Зинаида Николаевна воспринимает его слишком человечно. Сколько бы не-со-сем-сын ни напоминал ей, что с его регенераций хоть в жерло вулкана можно спуститься, ее тревог это не уменьшает.

Пока маменька вела задушевные чаепития, Юсупов с Дмитрием, крадучись, выкатили мотоциклет. А там – по-

неслась! В ушах свистел ветер, на лица и костюмы налипла весенняя грязь. Дважды едва не скатились в кювет. А уж сколько прохожих распугали! Вернулись ближе к ночи изрядно замызганные, растрепанные и как нашкодившие юнцы довольные. Зинаида Николаевна дважды охнула и махнула на них. Но вот Николай...

Все это время Николай был тихим, подозрительно тихим, аж до зубного скрежета тихим. Паинька паинькой, будто и не случилось того поцелуя, а следом – мужского разговора. И только после празднования дня рождения не-совсем-младшего-брата того как подменили. Всплески эмоций на пустом месте, скандалы, срывы, пачки выкуренных сигарет, ночные отлучки, игнор семейных застолий и приглашений на завтраки-обеда-ужины от высоких господ.

Юсупов все порывался накостылять брату, еще раз популярно объяснить, что как князь, да еще такого великого рода, тот просто обязан следовать этикету. В противном случае косые взгляды адресованы не только Николаю, но и всей семье. Репутацию испортить очень легко, а вот обелить и удержать – задача на поколения.

Но брат вел себя как отрок – то избегал любых разговоров, то отмалчивался часами, прикидываясь смертельно уставшим, больным или хмельным. Нянькаться с ним – неблагодарное дело. Юсупову это наскучило в прошлом году в бесконечных курортах и леченьях. Юсупов-старший дважды приглашал Николая в кабинет, откуда последний выходил

чернее тучи и исчезал на несколько часов в городе. Маменьку старший сын и вовсе не желал видеть, отчего та потеряла сон и здоровый цвет лица. Сам Юсупов успокоил ее тем, что обязательно найдет управу на брата, вразумит. Нужно лишь время.

А вот теперь, глядя на происходящее, граф понял, что это самое время упущено.

Николай-таки почтил своим присутствием семейный ужин. Побрился-надушился, приделся-причесался. Глаза сияют фанатичным блеском, черные брови изогнулись, а рот выдает самую паскудную фразу, которая только может существовать:

– Я женюсь на Марине фон Гейден. И прошу вашего дозволения на этот брак.

Папенька дожевал маринованный гриб и отложил вилку, будто кувалду. Маменька ахнула и смяла салфетку, будто это спасет ее от позора. А Юсупов стиснул зубы и задержал дыхание, чтобы не впечатать этот идиота в стенку да так, чтобы пошли трещины, и штукатурка осыпалась. Когда, черт их подери?! Когда эти двое условились на сию бредовую идею о браке? Им хватило трех недель, чтобы забыть о приличиях, обещаниях и здравом смысле?

– Николай, что ты такое говоришь? – начала Зинаида Николаевна. – Это решительно невозможно.

– Решительно невозможно, – поддакнул отец.

– Марина – она же... она же помолвлена. Граф Мантей-

фель получил одобрение ее родителей. Свадьба назначена, подготовка уже идет. Нет, это совершенно невозможно. Тебе нужно охладить пыл, вспомнить о том, кто ты есть и...

– Я знаю, кто я есть! – прикрикнул Николай.

Маменька вмиг побледнела, а вот папенька побагровел. Ножки стула завyli, Юсупов-старший поднялся и, буравя сына потемневшими глазами, отчеканил:

– Немедленно извинись.

Николай заиграл желваками, но губ не разомкнул.

– Я сказал, извинись перед матерью! – уже громче повторил отец.

– Извините, мама, – сказал Николай без тени раскаяния.

– А теперь объяснись.

– Мы с Мариной любим друг друга и хотим пожениться.

– Это мы уже слышали. Я сказал, объяснись! Как это понимать? Где это видано, чтобы мой сын вел себя подобно недорослю?

Маменька коснулась руки супруга и шепнула «Феликс, не надо». Но отец разозлился не на шутку. В его голосе и стати появился генерал-майор, который привык отдавать приказы, а не утирать сопли. Который принимает решения четко и взвешенно, а не на эмоциях. Который так хотел воспитать из сына себе преемника, а получил – актера драмкружка.

– Не с кем потрахаться, так сходи в бордель! Но не смей, – отец помахал указательным пальцем, – не смей позорить семью.

– Феликс, оставь это... – вполголоса сказала Зинаида Николаевна, поглаживая мужа по руке.

– Ты – наследие рода Юсуповых. Тебе владеть не только этим, – отец широким жестом указал на стены с позолотой и лепниной. – На тебе репутация, долг и честь!

– Да не нужно мне ваше наследие! – вскинулся Николай. – Подавитесь вы им!

С грохотом отбросив стул, Николай покинул столовую и хлопнул дверью. Отец стукнул кулаком по столу. Маменька запричитала, успокаивая супруга и без конца поглаживая его руку.

Юсупов выдержал паузу, отложил салфетку и сдержанно сказал:

– Мама, папа, если позволите, я бы вернулся к ужину позже. Сейчас мне нужно переговорить с братом.

Отец нервным движением ослабил ворот и хлопнул рюмку чего-то, даже не глядя. Маменька послала кивок и шепнула «иди».

Долго искать Николая не пришлось. Тот, конечно, ошивается в саду, смоля сигарету. Коснулся пальцами глаз, унимая слезы. Романтик чертов! Не скрываясь, Юсупов приблизился, прислонился спиной к холодной и мокрой коре липы, закурил и сказал:

– Скажи ты сей монолог на сцене – сорвал бы овации. Не ту публику ты выбрал. Попутал место и действие.

– Поизмываться пришел? Строишь хорошенького сына?

Для папеньки с маменькой стараешься? – фыркнул Николай.

– Когда?

Николая будто по щеке хлестнули. Непонимающе сдвинул брови и уставился на брата.

– Когда это началось? – выпуская дым через нос, повторил Юсупов. – Сразу после того поцелуя? До или после моего дня рождения? Может и вовсе вчера? Что я упустил?

– Мы любим друг друга...

– Заладил... мы все уже поняли, что вы любите друг друга самой фанатичной любовью. А теперь скажи, когда это началось? Она присылала письма?

– Сразу после спектакля, – поникшим голосом ответил Николай.

– И все? Ты повелся на какие-то письма? Тебе их десятками оставляют ежедневно? Чем же маринины отличились?

– Тебе не понять, – буркнул Николай и отбросил окурок.

– А ты объясни.

Николай вскинул голову, подставив лицо под освещение фонаря, будто это софит над сценой. Шмыгнув носом, выпустил облачко пара на холодном мартовском воздухе. Немного поежился и ответил:

– Тот поцелуй... ты не понимаешь, со мной еще никогда такого не было.

– Совсем никогда? – с издевкой в голосе переспросил Юсупов. – К своим двадцати пяти годам ты перецеловал девиц в сотню раз больше, чем я на свете живу. А тут какая-то

фрейлина, коими полнится любая светская вечеринка. Как по мне, это ты не понимаешь.

– Ну так объясни! – попер Николай.

Юсупов еще раз затянулся и выдохнул дым прямо в лицо брату.

– Ей девятнадцать. Миловидная внешность. Глазками стрелять и вертеть хвостом научилась. Дебютантка сезона – загадка для всех. Проще говоря, свежая кровь. Попробовать еще никто не успел, вот в тебе и взыгрался самец, которому первому надо пометить территорию. А она – совсем не дура. Понимает, к какой фамилии ты принадлежишь, какие перспективы сулишь.

– Она со мной не ради богатства!

Юсупов хмыкнул и докурил.

– Ну разумеется, – прошелестел он. – Она с тобой исключительно по любви.

– Именно так! С ней я чувствую себя живым! Ни опий, ни коньяк или самое изысканное вино не давали мне той жажды жизни, которую я познал с Мариной!

– Какой же ты болван... кому как не тебе, актеру, понимать, что любовь здесь и здесь, – Юсупов поочередно указал брату на грудь, а затем на промежность, – разнятся как хорошее вино и дешевый портвейн. От первого разве что голова поболит и перестанет. А вот от второго случится отравление вплоть до летального исхода, если не знать меру.

– Не смей так говорить! Она не такая!

– А какая? – переспросил Юсупов. – Какая это женщина, которая за месяц до свадьбы крутит роман с любовником? Думаешь, условившись на брак с тобой, она не поступит так же, выбрав кого-то другого?

– Нет, – отрезал Николай и помотал головой. – У нас любовь!

Юсупов вздохнул, положил руку на плечо брата и сказал: – Будь достойным сыном своих родителей. Назначь встречу с Мариной, объясни, что никакой свадьбы и любви у вас нет и не будет. У тебя своя дорога, у нее – своя. Затем напейся, подерись, если захочешь, проспись. И забудь это кокетку, как всех предыдущих, подобных ей.

Николай дернулся и, громко чавкая каблуками по снежной каше, пошел за ворота сада.

В этот миг Юсупов почувствовал себя дико уставшим. Калейдоскоп встреч, разговоров, дел, обещаний, обязательств будто разом навалились на плечи. Граф поводил ими туда-сюда. Понаблюдал, как облачка пара изо рта поднимаются в свете фонаря и побрел обратно. Еще предстоит успокаивать маменьку с папенькой.

А с этой девицей ему предстоит отдельной разговор. На этот раз точно последний.

Сгорать от стыда, мямлить, оправдываться перед родителями Юсупов оставил за братом. Ну его – еще выгораживать! Сам уже достаточно большой мальчик, чтобы по-взрос-

лому говорить с родителями на взрослые темы. Пока что почему-то выходит, что он достаточно повзрослел для мысли о женитьбе на чужой невесте, а вот для мысли, чем это грозит, еще не дорос. Как войти в положение влюбленных, которых разделяют несчастные обещания и традиции? Тут же такое начнется!..

Потому Юсупов решил ковать железо, пока горячо. Едва стало смеркаться, и город оживился вечерними визитами, граф привел себя в порядок и отправился к дому семьи Гейден. Нет, он не намерен напрашиваться на неожиданный визит, пусть его и примут даже с необходимостью отменить любые уже назначенные встречи.

Раздражение и нарастающая злость ощущается даже на кончиках пальцев. Юсупов намерен выпустить внутренних демонов и дать понять этой девице, что он не шутит.

Пара монет развязала язык прачке, что покинула крыльцо особняка, в котором квартируется семья Гейден. Там Юсупов узнал, что госпожа с минуту на минуту отправится в литературный салон. Разродившаяся мода на поэтов конкурирует со спиритическими кружками, а то и дополняет друг друга.

Граф кивнул и проделал ту же манипуляцию с извозчиком. Заплатил двойное недельное жалование, что у мужика поползли брови кверху, и свалилась шапка. Эта самая шапка, а еще бушлат и шаль через минуту-другу перекочевали на тело Юсупова с обещанием вернуть через пару часов. Из-

возчик сначала вытаращился, а потом подмигнул, когда Юсупов шепнул про «сюрприз для госпожи».

В общем, к моменту, когда госпожа фон Гейден появилась в дверях дома, а затем скользнула на мягкие сиденья экипажа и скомандовала «трогай!», Его Светлость выдал уверенное «Н-но!». Разумеется, нашей героине и в голову не пришло всматриваться в лицо какого-то там извозчика. А вот что Юсупова поразило куда больше – Марина отправилась в поездку без сопровождения. Так ли уж ее путь лежит в литературный салон? А может на встречу с кем-то, где не нужны свидетели?

Немного попетляв для поддержания образа, Юсупов наконец свернул одним-другим темным проулком. И наконец, остановился в тупике – с одной стороны обшарпанные жилые дома и грязный двор, с другой – выход к какой-то луже, слабо напоминающей водоем с талым снегом. Легко спрыгнув с козел, Юсупов распахнул дверцу экипажа и подал руку:

– Прибыли, mademoiselle.

– Что такое? – растерянно спросила Марина. – Вы, наверное, ошиблись... вы... вы?!

Юсупов снял теплую шапку и тряхнул взмокшими волосами.

– Поговорим?

Секунду Марина таращилась на графа, а затем взвизгнула и вжалась в дальний угол экипажа. Задергала ручку дверцы и едва не вывалилась в грязь. Этого мгновения вампирской

натуре Юсупова хватило, чтобы оказаться по другую сторону экипажа и подхватить хрупкую фигурку. Одним движением вытащил под накрапывающий мокрый снег и прижал к стене, отродясь не знавшей краски или штукатурки. Единственный источник света – каретный фонарь – заострил черты лица графа, подчеркнул нездоровую бледность.

– Граф... что вы?... – только и смогла из себя выдать Марина.

Воздух вокруг ее тела наполнился горьковатым и липким привкусом страха. То, что нужно. Юсупов скинул бушлат и подошел вплотную – так, чтобы в потемках эта женщина разглядела его глаза с шальным, потусторонним блеском.

– Как сподвигать моего брата к женитьбе, так у вас рот не закрывается, а как поговорить со мной с глазу на глаз – так язык проглотили? – начал он.

– Не смейте, граф. Я буду... я буду кричать, – последнее слово прозвучало скорее вопросительно, чем утвердительно.

– Мы находимся на окраине города, где живут те, кого именуют убогими и обездоленными. Представьте, какое гостеприимство они окажут госпоже вроде вас.

Марина ахнула и зажала ладонями рот. Зрачки расширились, а сердцебиение зазвучало опьяняющим ритмом барабанов. Остается надеяться на выдержку этой дамы, что она не хлопнется в обморок.

Юсупов выпустил гнев тонкой струйкой вдоль позвоночника, размял шею и выдал ту улыбку, которая последние

полвека внушает ужас. Безотказное средство убеждения. Марина на миг сместила взгляд и округлила глаза еще больше. В ту же секунду сморщила лоб и вжалась в стену, будто намеревалась с ней срастись. Она увидела клыки.

– Не в моих принципах причинять боль женщинам, если они сами об этом не просят. Но, боюсь, с вами я готов нарушить их без зазрения совести, – ровным тоном сказал Юсупов. – Вы плохо представляете себе, с кем связались. За мои восемьдесят восемь лет мне доводилось мучить и убивать женщин. Не то, чтобы мне понравилось. Но порой это единственный способ заставить их замолчать. С вами я поступлю так же.

Юсупов выдержал паузу, наблюдая, как игольчатое облачко страха над телом Марины разрастается и все сильнее впирается ей под кожу.

– Я готов стерпеть слезы брата по вашей утрате. Даже готов отстоять молебен по вашей преждевременной кончине в одном ряду с вашими родителями. Ну а достойную супругу господину Мантейфелю подберу, едва по вам помянут сорок дней. Ведь вы сами отправились из дому без сопровождения. Сели к извозчику, коих в городе нет числа. Да мало ли какие бесы завладели его душой? Ведь его самого и след простыл. А вот ваше тело, изувеченное и разбухшее, всплывет в каком-нибудь канале, скажем, послезавтра. Какая трагедия и какая жалость. В прессе и в салонах будут обсуждать вплоть до появления новой пассии вашего нынешнего жени-

ха.

Все это граф проговорил холодным ровным тоном, отчего на оголенной шее Марины появились мурашки. Да и сама она трясется, тихонько всхлипывая.

– Граф... граф, прошу вас. Прошу вас, будьте м-милосердны, – запинаясь, сказала Марина.

– И зачем мне это? – спросил Юсупов и уперся рукой в дюйме от лица этой женщины. – Один укус – и нет проблемы. Никакого позора. Вы даже мученицей станете в глазах других.

– Н-нет... нет, не надо.

Марина замотала головой и прижала кулачки ко лбу. Аккуратная прическа промокла от непогоды, волосы прилипли к шее и вискам. Плечи затряслись в тихих рыданиях.

Юсупов отнял ее руки и наклонился к уху. В других условиях от такого жеста у женщин подкашиваются ноги, изо рта вырывается сдавленный стон. Но сейчас реакция иная. Марина задержалась, забилась в нечеловеческой хватке Юсупова.

– Я даю вам последний шанс, – понизил он голос почти до шепота. Зловещего шепота. – Оставьте моего брата и мою семью в покое. Никакой последней встречи. Никакого прощального письма. Это понятно?

Марина закивала, не переставая всхлипывать и причитать «смилуйтесь, граф». Тот отстранился, отпустил руки и дополнил:

– Я отвезу вас домой. Вы сошлетесь на недомогание и пробудете в своей спальне до рассвета. А завтра заживете жизнью невесты, которая всецело поглощена грядущей свадьбой с лучшим мужчиной на свете.

– Tu es un monster, – сквозь слезы пробормотала Марина.

– Вам лучше не знать, насколько вы недалеко от истины.

Глава 5. Старые и новые знакомые

– Что этот шарлатан делает в нашем доме? – спросил Юсупов.

Николай поднял на брата ословевшие глаза. Это еще не хватало!

После запугивания Марины граф сдержал обещание – вернул-таки ее домой. Извозчика, разумеется, не нашел. Но зато самым честным образом оставил экипаж с арендованной одеждой в паре дворов неподалеку. Подпитал себя уверенностью, что мужик тот не промах. Может пропьет поллучку, а может проспится и наверняка будет искать свое средство передвижения и заработка рядом с тем местом, где оставил странному господину.

А сам странный господин выждал сутки. Он почти не спал, то и дело отслеживая всю поступающую корреспонденцию. Разве что не распахивал двери перед визитерами.

Отца отправили на службу в Подмосковье. Маменька последовала с ним. Перед отъездом граф выяснил у нее, что Николай-де раскаялся. Все же извинился, мол, совсем голову потерял, едва не опозорил родителей и весь род. Пообещал прийти в себя и взяться за доверенные ему дела и все в таком духе. Как мать и как женщина, что верит в лучшее в людях, Зинаида Николаевна, конечно, простила нерадивого сына. Простила, дала понять, что всегда поддержит любое

его решение при откровенном обсуждении.

Отец же говорил с Николаем наедине. О чем именно, маменька не слышала. Знает лишь, что те выкурили по две сигареты. После чего Николай, погруженный в свои мысли, долго отсиживался в библиотеке. Правда так и не притронулся ни к одной книге.

Попрощавшись с родителями, Юсупов без стука распахнул двери в спальню брата. Сердце ухнуло. В ноздри ударил смолистый запах опия, осевший горечью на языке.

Окна зашторены. На полу расстелено темное полотно с кривыми символами, коих ни в одной эзотерической литературе не сыскать. Явно выдуманы в наркотическом угаре, который, без сомнения, именуется видениями, адресованными из высших миров.

Николай лежит тут же, а над ним застыл мужчина с пышными усами. Он изогнул руки в странном движении, будто только что выделявал сомнительные пасы, призывая к глубинам подсознания. И прочая чушь.

– Я спрашиваю еще раз. Что здесь делает этот шарлатан? – голос Юсупова как лезвие прорезал воздух.

Чеслав фон Чинский – оккультист, месмерист и чертов аферист. В прошлом веке в Дрездене соблазнил некую баронессу на фиктивный брак, дабы пожить ее имуществом. А та, на минуточку, близкая родственница кайзера Вильгельма Второго. Сам Чинский мало того, что воздействовал на баронессу гипнозом, так уже был женат. Отчего вскоре

загремел под суд по обвинению в двоеженстве и в обмане, совершенном гипнотическим образом.

О судебном процессе долго судачили в европейской прессе, попутно вынося вопрос о законности гипноза как метода лечения. Чинский отсидел три года в тюрьме, где едва не тронулся умом и пытался свести счеты с жизнью. От последнего того спас тюремный врач.

В Петербург явился пару лет назад и получил известность за счет туманных предсказаний и советов на все случаи жизни для состоятельных дам, так сказать, романтического умонастроения.

Вдвоем с братом они видели Чинского пару-тройку раз в салонах. Неприкрыто посмеивались над ним, совершенно не воспринимали всерьез. Юсупов про него и думать забыл. Как здасьте на!

Чинский здесь, в их доме, да еще выделывает над Николаем сомнительные практики с использованием чертового опиума! Оккультист-аферист выпрямился, разгладил усы, пытаясь придать себе важности. Но заплывшее лицо и мешки под глазами выдают зависимость от крепленых напитков и чего похуже. В свои пятьдесят выглядит лет на десять старше.

– Нельзя прерывать-с... – открыл рот Чинский.

Юсупов метнул ему полный ярости взгляд, и тот аж попятился. Следующий взгляд адресован Николаю. Он, пошатываясь, приподнялся на локтях и заплетающимся языком

ответил:

– Я сделал, как ты велел. То есть я собирался... но она... совсем порвала со мной. Не отвечает на письма. К ней домой мне хода нет... мне ничего не оставалось. Я лишь хотел...

– И ты не нашел ничего умнее, как пригласить этого шарлатана в наш дом, чтобы опоить тебя? Да ты совсем из ума выжил! – рывкнул Юсупов и рывком поднял брата на ноги.

Николай вцепился в лацканы пиджака и вытаращился обезумевшими глазами.

– Ты не понимаешь! – зашипел Николай. – Доктор... он имеет способность связываться с другими на тонком плане! Я смогу сказать Марине... я смогу послать ей свои мысли, понимаешь?

– Никакой он не доктор. Это шарлатан, коих свет не видывал.

– П-попрошу вас... – попытался вклиниться Чинский, но тут же захлопнул рот, снова поймав убийственный взгляд графа.

Юсупов усадил брата на кровать, с трудом отодрал руки от своего пиджака и поискал глазами графин с водой. Подхватил со стола и вылил на голову Николая. Тот взбрыкнулся, начал отплевываться и тереть лицо руками.

– И никаких мыслей ты ей не пошлешь, – холодным тоном продолжил Юсупов. – Если дама не желает отвечать, значит, она все решила.

Изрядно опьяненный и растерянный Николай уронил го-

лову на руки и завыл, раскачиваясь из стороны в сторону. Юсупов одернул шторы, распахнул окна, впуская влажный воздух. Перевел взгляд на Чинского и сказал:

– Вон.

Оккультист-аферист на миг замер, проморгался. Затем с завидной для пятидесятилетнего человека прытью собрал в саквояж все свои баночки-скляночки, амулеты и полотно с кривыми символами. И был таков.

Мартовская прохлада забирается под воротник, но Юсупов даже не поежился. Внутри все клокочет – пожарную службу вызывай. Это ж надо такое придумать! Поверить тупице-шарлатану, который якобы телепатически передаст послание. Да не просто поверить, а снова накуриться. Опять подсесть на заразу, от которой весь прошлый год лечился в лучших курортах Европы.

Маменька тогда каждый день писала, спрашивала, как здоровье старшего сына. Она-то и впрямь думала, что у Николаши просто нервы расшатались. Ведь до сих пор не знает истинной причины его неуравновешенности. Юсупов тогда в деталях пересказывал все, что с ними происходило. Виды лечения, виды за окном, виды на них с братом как на потенциальных женихов у придворных дам. Сколько семейных праздников упущено. Сколько денег истрачено. Сколько нервов самого Юсупова – ох...

И все ради чего? Ради того, чтобы Николай вернулся на ту же скользкую дорожку из-за какой-то ветреной деви-

цы?!

Будто вторя мыслям Юсупова, брат пробубнил:

– Я не могу без нее.

– Чего ты там не можешь? – фыркнул Юсупов. – Конкретно.

– Жить без не могу! Дышать не могу!

– Ну тогда чего ты здесь делаешь? Не пора ли родовую усыпальницу строить? Вот с тебя и начнем.

– Н-не говори так... – угрожающим тоном сказал Николай и с шумом выдохнул.

– О, смотри-ка, дышать все-таки можешь.

Юсупов отвернулся к распахнутому окну, перебирая в голове варианты, какой фразой вбить последний гвоздь. Решил зайти прямо.

– Виделся я с твоей Мариной, – сказал он.

– Что? Когда? – вскинулся Николай.

– Вчера вечером. Сказал ей, чтобы она оставила тебя и нашу семью в покое. Как видишь, это сработало.

– Да как ты... как ты смеешь?!

– Остынь. И перестань уже закатывать истерики, как девица на сносях. Твоя страсть скоро утихнет, как и все прошлые увлечения. О чем тебе действительно стоит беспокоиться – не чувства чужой невесты, а собственное здоровье. Ты хоть представляешь, что сам себе стелешь дорожку к смерти?

– Что ты ей сказал?! – рывкнул Николай и кинулся на брата. – Отвечай!

Уже привычным движением Юсупов сжал запястья Николая до боли, пока тот не сдался.

– Я думал, ты мне брат, – сокрушенным тоном сказал Николай.

– Именно потому, что я – твой брат, от тебя еще не отреклись и не выгнали с позором из страны. Я не прошу – требую, одумайся.

– Ты. Мне. Не брат.

«Здравствуй, мой дорогой Феликс!»

Мъ съ Папа задържимся еще на дънь. На вторникъ выпали имънинъ офицъра Миклюкова. Отказаться от празднованія никакъ нльзя. Върнемся въ четвъргъ вьчеромъ. Какъ тъ? Какъ Николай?

Больше не было инцидънтовъ съ М.Г.? Прізнаюся, мое стърдцъ нльспокойно. Хочу вьрїть, Николай оставитъ эти идъи. Но ты стьйчасъ рядомъ съ нїмъ. Что онъ? Бъспокоенъ ли? Разобрался въ своихъ чувствахъ?

Получила писъмо от Ані Вырубовой. Ръшенія по разводу будътъ на дняхъ. Ты бы паговорїлъ съ нгь, какъ давній друг.

Пърьдавай прївѣтъ Николаю. Хрїстосъ съ тобой!»

Юсупов дважды прочел письмо, бережно сложил в кон-

верт и взял лист, чтобы писать ответ. Но его прервал назойливый грохот. Ну и кому там не спится в двенадцатом часу ночи?

Граф выглянул из комнаты и увидел служанку, которая испуганно вытаращилась на хозяина. Прошептала извинения, мол, забрала поднос с ужином от Его Светлости. Те не притронулись к еде. Аксинья сегодня старалась, жаркое из телятины да ватрушки с яблочным джемом напекла. Князь бледны. Все смотрят в окно или в потолок. Курят много и вон еще – выпивают.

Юсупов осмотрел три пустых бутылки на подносе и задумчиво произнес:

– Много курят и выпивают, говоришь?..

– Ага, и взгляд у них такой... Будто душа у них раскололась. Простите, Ваша Светлость, – спохватилась служанка и опустила глаза.

Юсупов кивнул, и та испарилась коридорами. В очередной раз проведать брата? Так вроде не болен. Да и в няньки не нанимался. Но внутри беспокойно, подмывает посмотреть своим особым видением – не скрывает ли тот чего? Скажем, переписки.

Вздохнув, граф вернулся в свои покои и начал писать ответ матушке.

«Здравствуйтѣ, Матан!»

Получилѣ Ваше письмо. Съ нѣтърпнѣямѣ

жду Вашего возвращенія! Вы вѣрно устали от казарменныхъ условій?

Николай въ порядкѣ. Аппѣтитъ хорошій, бѣссонница не мучаетъ – хорошій признакъ, я думаю.

С Аньей встрѣчусь на дняхъ. Справлюсь о ее самочувствіи.

Бѣргитъ стѣбя. Цѣлую. Вашъ Феликс»

Вырубова ничуть не изменилась, разве что глаза потускнели.

Анна Вырубова, в девичестве Аня Танеева, уже четыре года в услужении государыни на посту главной фрейлины. Крупная, с округлыми плечами, квадратным лицом – про таких в сказках пишут «кровь с молоком». Но насколько ее знает Юсупов, Аня с детства стесняется своего тела. Считает себя неуклюжей и попросту непривлекательной.

И тем не менее, в двадцать лет стала главной фрейлиной, о чем придворные дамы до сих пор судачат. Мол, государыня умышленно взяла Танееву, чтобы на контрасте выглядеть еще красивее. А признать, что молодуха отличилась умом, неприятно.

В апреле прошлого года Аня вышла замуж за морского офицера, участника русско-японской войны, Александра Вырубова. Но семейная жизнь сразу не задалась. По слухам супруг сильно напился в первую брачную ночь, а потом и во-

все уехал лечиться в Швейцарию. Лечиться от болезни нервов, которую получил ввиду катастрофического сражения при Цусиме.

Проще говоря, брак несчастливый, а Аня – все еще девственница. Более того, будучи замужней, невозможно оставаться фрейлиной. А разведенной – и подавно. Так что с изменением семейного статуса Ане грозила и потеря места при императрице. Но Александра Федоровна оставила Вырубову при себе, хоть и тайно.

Одноэтажный особняк с мезонином в Царском некогда принадлежал Людвигу-Вильгельму Тепперу де Фергюсону. По-русски просто Вильгельму Петровичу, талантливому композитору, учителю музыки великих княжон, сестер Александра Первого. Здесь на музыкальных вечерах бывали молодые царскосельские лицеисты и Пушкин в их числе.

Затем особняк сменил несколько владельцев, пока в нем не поселился пианист и главноуправляющий Его Императорского Величества Канцелярией Александр Танеев – отец Ани. С прошлого года Аня тоже проживает здесь. Совсем по соседству – Александровский дворец, семейная резиденция государя с государыней.

В лучах апрельского утреннего солнца особняк походит на пряничный домик. Ряд больших окон и круглых окошек над ними обрамлены белым цветом. Мезонин пустует. Возможно уже через месяц кованая решетка будет увита цветами.

Юсупова впустили и проводили к хозяйке. Та сидит в гостиной за скромно накрытым столом. Граф не растерялся и прихватил с собой гостинцев – сладости, фрукты, ароматную выпечку.

– Фе-е-еликс, здравствуй, – с улыбкой поприветствовала его Вырубова.

Расцеловала в обе щеки, с благодарностью приняла угощения и по-хозяйски стала разливать чай, раскладывать сладости. Юсупов уселся и слегка поежился. В доме ничуть не теплее, чем на улице. Вырубова кутается в шаль. Камин растоплен скудно, а чашку с чаем и выпускать не хочется. Заметив реакцию гостя, Аня пояснила:

– Фундамента нет, вот и дует с пола. Но это ничего, лето обещают добрым. Еще будем радоваться прохладе этого дома.

Они выпили по чашке чая, обменялись последними новостями из газет и сплетнями из чужих уст. Наконец, с формальностями покончено, и Юсупов сказал:

– Давеча получил письмо от маман. Говорит, на днях будет решение по разводу.

Вырубова опустила тоскливый взгляд в чашку с недопитым чаем, собралась с мыслями и ответила:

– Саша, он... получил службу на корабле. Сборы уже идут.

– Лечение не помогло, – догадался Юсупов.

Нервным движением Аня помяла кружево салфетки и выдала:

– Это даже к лучшему. Служба ему понятнее, чем брак.

– Устала бояться?

Та кивнула и совсем замкнулась в себе.

Юсупов легко сжал ее ладонь и сочувственно повторил:

– Все к лучшему.

– Как Николай? Ходил нехороший слух.

– Все улажено, – отмахнулся Юсупов. – Отправил бы на лечение. Но в его случае сработает только гильотина.

– Не говори так, Феликс. Грешно это. Вы же – одна кровь.

Про кровь Аня, естественно, в курсе, ведь она в услужении двух вампиров – первых лиц государства.

– Боюсь, даже кровь тут бессильна, – ответил Юсупов.

– Николаю свойственна ветреность. Пройдет, как и все прошлые увлечения.

– Я ему то же самое сказал.

– А он?

– Вызвал Чинского для проведения сеанса телепатии.

Аня прыснула со смеха и сказала:

– Того шарлатана? Он же черт те какой.

– Чем нелепее шарлатан, тем больше ему веры.

Аня в задумчивости приложила палец ко рту и сказала:

– Есть тут один врачеватель. Возможно подсобит. Гришкой звать. Распутиным.

– Не припоминаю. Развелось сейчас пророков, врачевателей. Через сто лет, поди, каждый второй будет предсказывать судьбу по ладони и давать советы, раскладывая гадальные

карты.

После четвертой чашки чая даже всетерпеливый Юсупов не выдержал холода внутри стен и предложил прогуляться. А здесь солнце совсем разыгралось. Граф с удовольствием распахнул пальто и подставил лицо теплым лучам. Аня ослабила шаль и тоже будто засияла. Это женщине двадцать четыре года, мудра не по годам. Ничего удивительно, что Александра Федоровна выбрала именно ее себе в подруги.

– Давно с Муней виделась? – издали зашел Юсупов.

– Давно. Уж с февраля поди. До тебя тоже дошли выпады про «обученную невесту»?

Юсупов неуверенно пожал плечами и решил слушать, а не говорить. Аня шагает, глядя себе под ноги, пересказывает то, что, наконец, многое объяснило. И нет, сместить внимание с Марины на Муню – все же плохая идея.

Оказывается, Муня настолько влюблена в Николая, что вот-вот тронется умом. Письма и открытки – уже моветон. Дык, она на каждой салфетке и носовом платке вышивает инициалы Н. Ю. И совсем уж несмешно оттого, что ходит к разного рода прорицателям, чтобы услышать заветное предсказание о грядущей свадьбе. Там, мол, уже с дюжину раз нагадали фату, венец и жениха. Вот и кличет себя «обрученной невестой».

– Ты прости ее, – смягчила тон Аня. – Ей же двадцать лет. В голове еще – у-у-ух...

– Ты в свои двадцать уже стала главной фрейлиной, – па-

рировал Юсупов.

– Да я из другого теста. Я женихов себе никогда не искала. Сашу мне государыня подобрала...

На имени уже можно считать бывшего супруга Аня снова сникла. Юсупов сочувствующе сжал ее локоть. А сам решил, что Муня в качестве пассии-замены Марины ну никак не годится. Шило на мыло... Да, Муня хотя бы еще ни с кем не помолвлена, но маниакальная страсть и помешательство – тот еще коктейль.

– А с Николаем, – будто отвечая на его мысли, сказала Аня, – держи ухо востро. Как говорится, лучше перебдеть.

На том и распрощались.

Напряжение последних дней потребовало выхода. Первое, что пришло на ум – отправиться на окраину, чтобы пострелять по березкам и сосенкам. Потом вспомнил, что к стрельбе он охладел сразу после участия в Крымской войне. В том самом бою, где умер тогдашний Феликс Эльстон и воскрес уже в новом обличии.

Напиться? Увольте. Чтобы опьянеть до беспамьятства (ах, как хочется), нужно выпить очень и очень много. Запасов крымского не хватит.

Так что ноги, а точнее колеса, сами привели его в увеселительное заведение для высоких господ. Попросту – элитный бордель, где едва Юсупов переступил порог, его обволокло теплое, влажное и сильно пахнущее дорогущим фран-

цузским парфюмом дородное женское тело.

– Гра-а-аф, как я ра-а-ада, что вы наконец к нам зашли! – пропела мадам Маркиза.

Никакой маркизой она, конечно, не является. Так – придумала себе легенду, мол, сбежала от неудачного замужества с французским аристократишкой. Но дабы не позорить себя и бывшего фамилией, решила звать себя просто Маркизой.

Юсупов-то знает, что в миру ее звать Авдотьей Сергеевой. Одна из целого выводка поповской семьи. В начале «карьеры» кликала себя Доньей, а уже лет семь-восемь как именуется Маркизой. Ну да и какое бы кому дело? Качество услуг это никак не ухудшает.

– Маркиза, вы как цветок дурмана, – промурлыкал граф. – Выглядите роскошно, опьяняете своим ароматом. Ацтеки считали, что дурман сводит с ума, приводит в беспорядок сердца и совершенно лишает аппетита любого, кто осмелится попробовать хоть кусочек. Возможно именно поэтому я так очарован вами и одновременно боюсь до дрожи в коленях. Откусил бы от вас немного, но, боюсь, не доживу до рассвета.

– Ах, граф, эти ваши комплименты, – ответила Маркиза и повела плечом. – Каждый ваш визит пополняет багаж моих познаний о мире. Хаживайте чаще, будьте моей библиотекой.

– С превеликим удовольствием, – ответил Юсупов и поцеловал ей руку.

Маркиза зарделась, зашевелила телесами как большое желе. Заговорщицким тоном спросила:

– Вам сегодня что-то более экзотичное или прозаичное?

– Экзотики мне хватает. Пожалуй, предпочту прозу.

– У нас пополнение. Есть пара кошек и одна лисичка. Вам кого? А может всех сразу?

Юсупов невольно облизнулся, мысленно прикинул, что вечер с двумя кошками и одной лисичкой – это, конечно, презабавно.

– Начну с лисички, а потом можно и кошек пригласить, – ответил он.

Маркиза бросила взгляд поверх его головы, сделала неопределенный жест, что на языке борделя должно означать «твой клиент». А когда через мгновение на плечо Юсупова легла горячая ладошка, произнесла «развлекайтесь, граф».

Букет одеколонов, духов, пота, косметики, начищенных сапог сменился терпким восточным ароматом, что заполняет небольшую комнату. Разномастные шторы, белый с золотистыми прожилками будуар, ванна за складной перегородкой и, конечно, огромная постель с лиловым шелковым бельем. В углу торшер рассеивает теплый свет. На тумбочке дымятся благовония.

Юсупов стянул пиджак и улегся. Оглядел свою спутницу вечера и сразу понял, отчего ее кличут Лисичкой.

Тонкая белая кожа, чуть вздернутый носик, россыпь вес-

нушек, копна волнистых медно-рыжих волос. А взгляд... такие взгляды рушат империи. Невольно подумалось, влюбись Николай в такую девицу, Юсупов сам бы выступил шафером и может даже настоял бы на праве первой брачной ночи.

Гибкое тело Лисички прикрыто какими-то оборками, подтянутые корсетом. С десяток бус и браслетов приятно трещат при каждом движении. Вот эти бусы, да намотать бы на кулак, а потом...

Лисичка уселась сверху и дразнящим движением погладила Юсупова по груди. Подцепила ноготками пуговицы рубашки. Скользнула тонкими пальцами по коже, защекотала шею. Граф прикрыл глаза и отдался наслаждению.

Юное тело податливо изгибается под его руками. Щелкнула застежка ремня. Возбуждение усилилось, прокатилось бушующей волной. Но нет, спешить не хочется. Да и девица знает свое дело. Заводит, но ненастойчиво. Заигрывает, но без раздражения.

Граф почувствовал робкое прикосновение губ на шее, за ухом. Легкое покусывание, шипок, а затем в кадык уперлось холодное жало. Серебро.

Юсупов нехотя открыл глаза и сказал:

– Я предупредил Маркизу, что сегодня обойдусь без экзотики.

– Не будем ее расстраивать, – ответила Лисичка. – Вы скажете, что все понравилось. Утроите плату, а я оставлю вас в живых.

Юсупов скосил глаза – это что? Заколка для волос?

– Ты этой зубочисткой решила меня прикончить? Никакого уважения.

Девушка моргнуть не успела, как Юсупов сделал несложный захват и оказался сверху. Сдавил запястья над головой неумехи, второй рукой направил кончик заколки ей в глаз. Остановился в сантиметре.

– Ну рассказывай, кто тебя послал?

Девушка дернулась. Но с тем же успехом можно сдвинуть с себя платяной шкаф. В глазах мелькнуло беспокойство и даже паника. Но ей удалось сдержаться. Проще всего сквозь зубы:

– Ничего тебе не скажу, упырь сраный! Буржуй!

– Ммм, так вот вы какие революционеры-охотники, – елеинным тоном выдал граф. – Не знал, что вы до борделей скатитесь, что даже прибавляет остроты. А что – умно. Сюда ходит немало число дворян-вампиров. Лучшее место и времяпровождение, чтобы выведать все секреты, заодно и со свету сжить. Одного только не учли – вампиры постарше и посмышленнее вас.

Девушка фыркнула и закатила глаза.

– Посмышленнее, скажешь тоже. Да будь ты хоть дважды дворянин и трижды упырь, а без портков и с серебром в заднице лужу под себя сделаешь!

– Ты мне определенно нравишься, – сказал Юсупов и отпустил руки.

Но слезать не спешит. Лисичка потеряла запястья и бросила короткий взгляд на серебряное жало. Юсупов сделал движение фокусника, которому научился лет десять назад, и заколка будто испарилась.

– А это я, пожалуй, оставлю при себе. Оружие несерьезное, но хлопот наделать может, – сказал он.

Выдержал паузу, поглядывая на девицу, и спросил:

– У тебя посвящение?

Та опустила глаза и поджала губы. Щеки запунцовели. Попал в точку.

– Собиралась заколоть представителя древнейшего рода, да навлечь неприятности на мадам Маркизу? И чему вас только учат в революционных охотничьих кружках?

– Да пошел ты! – плюнула в него Лисичка.

Юсупов утер щеку и улыбнулся. Да, эта девица ему нравится. Чистый огонь, неуправляемый хаос! Не окажись она охотницей, постель сегодня под ними сторела бы дотла.

– Поступим по-твоему, – сказал он, – я устрою плату, а ты мне все расскажешь. Так и быть, верну тебе заколку с парой капель моей крови. Можем даже вместе сочинить историю, как ты героически сражалась с самим Юсуповым. Главе твоего клана должно этого хватить... эй-эй, потише.

Лисичка начала брыкаться, дважды укусила руку графа, лягнула, чудом не попав по промежности. Вцепилась в волосы и точно перегрызла бы глотку, будь у нее такой приказ. Но вовремя одумалась. Видимо, в посвящение не входит

убийство вампира, скорее – ранение. Хм, любопытно, ради чего сыр-бор? Для новичка-охотника это верная смерть. Не очень-то дорожат революционеры своими кадрами.

– Ну все-все, ох, не могу больше... ха-ха, щекотно же... – не сдержался Юсупов под натиском хаотичных ударов девицы.

Но такая реакция ее еще больше раззадорила. Глаза метнули молнии. А когда граф применил чуть больше силы, усадил революционерку на себя и сжал ей руки за спиной, в этих самых глазах блеснули слезы. Столько отчаяния, мольбы и отваги в таком хрупком теле ему еще не доводилось видеть. Да что там, не в каждом мужчине найдется столько силы!

Подбородок охотницы задрожал, но слезы не потекли. И что, прикажете, делать?

Дразнящим движением Юсупов «клюнул» ее носом, причмокнул в миллиметре от сжатых губ. Девица отпрянула, но граф лишь сильнее прижал к своей груди.

– Будет тебе, – сказал он. – Сама что ли придумала в борделе устроить посвящение?

Лисичку трясет, дыхание сбивается, но держится! Такой дух не сломить проваленным испытанием.

– Тебя как звать?

– Пош-шел ты! – шикнула та и со всего маху ударила лбом Юсупову в переносицу.

У него аж искры из глаз посыпались. Выпустил девицу и рассмеялся. Та вырвалась из его объятий и через миг уже

хлопнула дверью.

Граф двумя пальца зажал нос. Не сломан, кровь не идет, но приятного мало. Он еще раз оглядел комнату, полуразде- того себя и усмехнулся. Никогда еще такой громкий отказ в любовных утехах не наполнял его удовольствием.

Глава 6. Пошел ты, упырь!

И снова этот кабинет, обитый разного вида деревом. Широкий круглый стол, за которым долго курят и так же долго беседуют дворяне, чиновники и вампиры. Очередное заседание «Священной дружины» началось с пересказа актуальных сводок. Кто, где, кого и как убил, укусил, обратил, воскресил, еще раз убил. Какие революционные кружки появились, распустились, переформировались. Какой процент среди них охотников. В общем, скука смертная. Юсупов уже устал прятать зевоту в кулак, что непременно заметил глава «Дружины» Илларион Иванович.

– Ну а вы что скажете, граф? – приправил он вопрос тяжелым взглядом.

Можно подумать, это когда-то действовало на Юсупова. Он последние полтора часа прикидывает, рассказывать или нет про революционерку-охотницу-проститутку. Обмозговал, так-то вернее и рассказать, да не все.

– Давеча испытал удовольствие от встречи с одной охотницей, – начал он. – Из числа революционно настроенных...

– Каких именно? – перебил его Островский.

– Не удалось выведать. Охотница проходила посвящение, смысл которого, на мое удивление, в провокации, ранении, но не убийстве.

– Почему вы так решили? – спросил Илларион Иванович.

– Потому что у нее были, скажем так, неплохие шансы меня изрядно ранить. Без глаза оставить, как пить дать. Я был безоружен и почти не сопротивлялся.

– Но вы-то здесь. И с глазом, – фыркнул статский советник Штюрмер, который давно невзлюбил Юсупова хрен пойми за что.

Юсупов выдержал театральную паузу, обвел глазами членов «Дружины» и, наконец, вынул из нагрудного кармана серебряную заколку.

– Этим что ли девица вас чуть глаза не лишила? – хохотнул князь Шувалов

– А вы не смейтесь, – парировал Юсупов. – Пусть и выглядит, как игрушка, но как вы себя почувствуете, когда лишитесь обоих глаз, а у подобной девицы будет пара революционеров-сообщников?

– Что вы хотите сказать? – спросил Илларион Иванович.

– Я хочу сказать, скорее порекомендовать, воздержаться от посещения увеселительных заведений. Особенно во хмелу.

Члены «Дружины» захохотали.

– Что же это охотники теперь в проститутки подались?

– А следом и в банщики!

– Чего уж там, сразу в кухарок и личных помощников!

– Ага, насмерть вилками заколют, ах-ха-ха!

Юсупов терпеливо выдержал насмешки. Он-то знает наверняка, где один прецедент – там и до тенденции недалеко.

Идею охотников отлавливать дворян-вампиров в борделях оценил. Где же еще дворяне расслабляются умом и телом, притупляют внимательность и реакцию, как не в постелях с такими вот Лисичками?

– А чего ж вы свою охотницу-то сюда не привели? – снова вставил Штюрмер. – Мы бы оценили ее умения. А-а-а, может стали ее постоянным визитером? Надеетесь, что приведет вас в штаб-квартиру?

По кабинету пронеслась новая волна хохота и колкостей. А вот Юсупову несмешно. Он всерьез раздумывает поступить именно так. Пригрозить такой девке – все равно что лбом о стенку биться. Вот договориться баш на баш – уже возможнее. Нет, конечно, граф не намерен выдавать все лазейки и имена дворян-вампиров. Но навести на след, который позднее окажется ложным, вполне себе подходящая тактика.

– Вы, граф, в следующий раз с чем-нибудь посерьезней приходите, – сказал Илларион Иванович.

– Сделаю все, что в моих силах, – сдержанно ответил Юсупов.

Он и не надеялся, что Лисичка задержится в борделе. Но разузнать бы адресок, имена знакомых, да что-нибудь. Девки поочередно пожали плечами. Сказали, что видели рыжую один-два раза, и то не было интереса сдружиться. На вопрос – должно же хоть что-то остаться, одна из них подала

кулон. Скорее образок на плоской бляшке темного серебра. Вот, мол, выпал из кармана или еще откуда. На работе-то подобное носить не столь грешно, сколь цинично. Да и образок потертый, изношенный, мож по наследству достался. Но Лисичка не вернулась за ним, видать, не шибко важен. А мож и вовсе девка – нехристь, образок стащила откуда.

Юсупов выслушал, кивнул, заплатил. Напоследок спросил, знает ли кто имени рыжей. Девка с парой крупных синяков на шее скривила губы и ответила:

– Да Васька она. На моего кота похожа. Такая же наглая рыжая морда.

– Василиса, значит, – посмаковал имя Юсупов.

Довольный уловом, граф заскочил в «Доминик» на Невском. Пообедал знаменитыми «кулебяками» и новомодным китайским красным чаем с кислинкой. Подумал, что рыжая девушка с огненным характером точно запомнится. Небось, не впервой покидает «место работы» со скандалом или, не прощаясь, возможно даже не являясь за положенным жалованием.

Где такой быть? Скажем, машинисткой на телеграфе, мойщицей посуды в питейных заведениях для господ. Туда, конечно, без рекомендаций не попасть. Но, когда охотники связались с революционерами, подготовка липовых документов перестала быть помехой. Гардеробщица в ресторане или в театре? Точно нет. Слишком заметная. А вот буфетчица там же – вполне.

Осталось только напасть на след, занять еще пару зацепок. Невозможно с таким характером не проколоться. Либо Василиса засветится в новостной сводке, либо сразу в полицейском участке. Если она, конечно, Василиса...

Родители вернулись.

Пужинали в полуофициозе. Отец как всегда немногословен. А вот маменька с воодушевлением поведала, как прошло празднование именин офицера Миклюкова. Какой был замечательный обед на открытом воздухе. Пикник на полсотни человек, и все такое прочее.

Юсупов слушал, задавал наводящие вопросы. О себе отвечал уклончиво. Нет, ничего выдающегося не произошло. Да, все письма прочитаны, добрая их часть отвечена. Да, важные визиты нанесены. И, нет, никому из молодых незамужних дам не давал никаких намеков, ложных надежд. Втайне не встречался.

Николай за ужин трижды чуть не пролил вина. Громче дозволенного звякал приборами. А салфетку измял, будто у него с ней личные счеты. Юсупов заметил пожелтевшую кожу кончиков пальцев – явное свидетельство чрезмерного употребления табака. Где-то в глубине остатков души ему даже стало жаль брата. Ну вот самую чуточку. Размером с ноготок младенца.

Тему с Мариной Гейден не поднимали. Наоборот, всячески обходили стороной. Сделали вид, будто не случилось ни-

какого инцидента. И вообще, вся эта история их уже не кажется.

Утомленные дорогой, родители пораньше отправились отдыхать. Николай практически сразу исчез в своей спальне. Юсупов выждал десять минут и постучал. Раздался шорох, стук каблуков, и дверь распахнулась. Брат сдвинул брови и отступил, впуская Юсупова.

– И давно ты взял привычку стучать, прежде чем войти?

– Я все еще не потерял навыков вести себя в обществе со своим братом, – ответил Юсупов. – А вот ты совсем отстранился. Не надоело еще в затворника играть?

– Вы разве не этого хотели? Вы – все?!

– Не кипятись. Я не за этим пришел?

– Тогда что тебе нужно?

– Выпьем?

Помотало их изрядно из одного питейного заведения в другое. Юсупов, конечно, надрался, но оставался в сознании. А вот Николай совсем раскис.

Уже после шестой рюмки распустил сопли, как чувствует себя несчастным. Как истерзано его сердце. Как не хватает ему голубых глаз и поцелуев Марины. Как умерло в нем все вдохновение и желание жить.

– И не надоело тебе? – спросил Юсупов, буквально расплывшись на диванчике в каком-то клоповнике.

На трезвую голову он подумал бы именно так, видя зали-

тые пивом столы, темные следы от грязных подошв на полу, хилые газовые светильники и вдрызг пьяную публику из числа неудачников, обедневших профессоров и офицеров низшего ранга в отставке. Но может сейчас именно это и нужно? Чтобы хоть на вечер забыть о своем происхождении и титулах, и побыть просто людьми.

– Вы виделись всего несколько раз при подготовке спектакля. Ты не проявлял к ней особого интереса. Целовался ты и с более привлекательными женщинами. Так что ты в ней нашел? Чем она отличилась? – снова подал голос Юсупов.

Николай скрестил руки на столе и уткнулся в них лбом. Показалось, что сейчас он захрапит. Но вместо этого помотал головой и заплетающимся языком ответил:

– Она – моя жизнь.

– Твоя жизнь – это ты. Послушай человека, который топчет землю почти столетие, – парировал Юсупов. – Выдавать страсть за целую жизнь – хреновая тактика. Жизнь состоит из миллионов других дел, вещей, людей, впечатлений, чувств.

Из-под сложенных рук раздалось невнятное бормотание и гул. Николай приподнял голову и сказал:

– Ты – не человек.

– Но чувствую и живу как человек. Вампиризм не притупляет проявления человеческой природы, а обостряет их. И если ты думаешь, что твои страдания сильнее вампирских, поверь – ты сильно заблуждаешься. У меня ушли годы, чтобы

научиться управлять всем этим.

– Годы... – фыркнул Николай. – У меня даже двух недель нет. Марина выходит замуж совсем скоро.

– Но ты и не вампир.

Николай хмыкнул и снова зарылся с головой в скрещенные руки.

– Ой, да брось, – пробурчал Юсупов. – Давай лучше еще выпьем. А там, если хватит сил, придумаем турне для нового сезона выступлений французской певички.

Юсупов поискал глазами официанта и сделал приглашающий жест. Тот кивнул и ответным жестом дал понять, что подойдет через минуту. Но через минуту подошел не тот же официант, а его коллега с толстой рыжей косой через плечо и россыпью веснушек на лице.

– Чего изволите, господа? – сказала она и округлила глаза. Василиса.

Узнала. Она узнала Юсупова. Вмиг подобралась, сжала губы и совсем немного побледнела.

Юсупов же почувствовал приятное жжение где-то между лопаток. Ах, какая хорошая идея оказалась – напиться нынче вечером с братом. Граф окинул Василису взглядом с головы до ног и ухмыльнулся. Форма с жилетом и белой рубашкой прекрасно контрастирует с огнем волос и огнем в глазах.

– Господа изволят еще бутылку коньяка, – наконец, сказал он.

– Закусить желаете?

Юсупов обратил взгляд на закрывшегося Николая и повторил вопрос:

– Братец мой, мы закусить желаем?

В ответ донеслось протяжное гудение.

– Не желаем, – перевел на человеческий Юсупов и приправил сие слащавой улыбкой.

Щеки Василисы вспыхнули. Она наспех собрала рюмки, пару бутылок, тарелку с сыром, успевшим подсохнуть. С фразой «будет исполнено» удалилась.

Жжение между лопаток усилилось. А потом и вовсе спустилось ниже, закололо под седалищем. Нет, это не может быть простым совпадением. Или бог его слишком любит, в чем Юсупов сомневается каждый день своего существования. Или рыжая оказалась умнее его самого, опередила, выследила, пока он искал хоть какие-то зацепки. Что ж, выследить Юсупова – не такая уж непосильная задача. Он, как-никак, второй наследник богатейшей семьи в империи. Но откуда этой девке знать, куда именно его ноги понесут сегодня с братом?

Сгорая от нетерпения, Юсупов поднялся, потрепал Николая за плечо и сказал «я сейчас». Потолкался между столиками и публикой разной стадии опьянения. Обвел глазами зал. Василисы нигде не видать. Принять заказ, дойти до барной стойки, поставить бутылку коньяка и пару рюмок на поднос – невеликое дело. Можно управиться за три минуты. Так где же скрылась эта лиса?

Юсупов оперся на барную стойку и спросил бармена:

– Рыжую вашу как звать?

– Васёна, – ответил тот. – Чего опять натворила? Напле-вала в еду? Пролила на вас пиво? Вы только скажите, сударь, ее быстро взашей...

Юсупов выставил ладонь в предупреждающем жесте.

– Ничего такого, – заверил он. – Частенько она так?

– Дьяволица, не иначе. Третий день на смене, а уже на-скандалила – не то, что без жалования останется, дык еще должна будет.

Юсупов положил несколько монет на стойку и сказал:

– Как мне ее найти?

Бармен забегал глазами туда-сюда, спрятал монеты в кар-ман фартука и ответил вполголоса:

– Справа от вас, сударь, дверь. Там коридор – справа кух-ня, прямо – черный вход. Вам туда. Выскочила как ошпарен-ная за минуту до того, как вы подошли.

Юсупов подмигнул бармену. Распахнув заветную дверь, втянул вечернюю прохладу и огляделся. Впереди мелькнула фигурка. Что-то отбросила в сторону и исчезла под аркой.

Не скрываясь, Юсупов застучал каблуками. Рядом с бака-ми мусора свалена форма – жилет и рубашка. Неужто Васи-лиса голышом пошла дворами? Это даже интригует.

Страх пахнет чем-то кислым и липким. А гнев – чем-то перченым, аж до щекотки в горле. Вот этот-то аромат и на-стиг Юсупова буквально за несколько минут. Да и способ-

ность видеть в темноте подсобила. Василиса спряталась между водосточной трубой и покосившейся дверью, ведущей, видимо, в подвал здания. Может кто с пьяну глазу и не заметил бы женской фигурки в ночи в малознакомом дворе, но только не Юсупов.

Помня первую встречу, он решил застать девку врасплох. За секунду оказался перед ее лицом, обхватил тонкие запястья и закинул над головой. Его глазам открылась приятная картина – исподнее на тонких ляжках телесного цвета, наспех заправленное в форменные брюки. Василиса зашипела, задергалась, будто дикарка.

– Дай тебе волю – ты мне глотку перегрызешь. Ну и кто из нас упырь? – спросил Юсупов.

– Перегрызу! Еще как перегрызу... – ответила та, продолжая брыкаться.

Ее грудь качается в такт движениям. Тонкая кожа и здесь усыпана веснушками. А запах... так пахнет не обида. Так пахнет ярость.

– Да что я тебе сделал, раз ты меня так ненавидишь и готова со свету сжить при каждой встрече?

– Из-за таких как ты, народ живет в нищете! Последний хрен без соли доедает, пока ты...

– Ну а лично тебе я чего сделал? – перебил Юсупов и сильнее вжал Василису в стену.

Та поморщилась от боли, задышала часто-часто от переполняющего негодования. Но сдвинуться с места так

и не смогла. Рискнула проделать тот же финт с ударом лбом по носу, но Юсупов и это предупредил.

– Ты меня преследуешь? – промурлыкал он.

– Еще чего!

– Выходит, наша встреча – случайность? Божье провидение?

– Бога он вспомнил! Сам с чертями якшается, нечисть паршивая. Грязная мразь! Хер обоссанный! Свинья буржуйская!

На Юсупова вылился ушат скверных слов и ругательств, часть из которых услышал впервые. Мысленно восхитился столь богатым лексиконом. А когда поток иссяк, лицо Василисы совсем покраснелось. Ноздри раздуты, локоны выбились из косы, из ушей разве что пар не валит.

– Я тоже рад тебя видеть, – сказал Юсупов. – Кстати, у меня для тебя кое-что есть.

Тем же движением фокусника он материализовал у нее из-за уха серебряную заколку, которую Василиса сразу узнала.

– Тебе ведь это нужно? С парой капель моей крови. Посвящение не прошла? – догадался граф.

Он отпустил ее руки и слегла отстранился. Василиса переводила нервный взгляд с Юсупова на заколку. Осторожно приняла ее и сказала:

– Все так. Для посвящения нужна твоя кровь, упырь. И поболе, чем пара капель.

С последним словом в боку Юсупова вспыхнула боль. Он сдавленно ахнул и согнулся. Девка пырнула его ножом. Обычным обеденным ножом! Ну какая сучка...

Из-за раны граф не беспокоится – затянется через минуту. Но Василиса воспользовалась заминкой. Теперь ее и след простыл. А это, знаете ли, подбешивает. Второй раз уходит буквально из-под носа. Нет, так оставлять нельзя. Это уже дело принципа.

В два счета Юсупов пересек темный двор и принялся. Гнев сменился страхом, ну еще бы... Знает, лиса, что шансы скрыться стремятся к нулю. Двигаясь переулками, Юсупов уже слышит сбивчивое дыхание Василисы, топот, шорох гальки. А затем донеслось звонкое «ой!». Попалась...

У моста затянулся ремонт дороги. Василиса не увидела в темноте слабые деревянные ограждения. Поскользнулась на разбитой брусчатке и махнула с дороги прямо под мост. Оказалась бы уже в холодной воде, но уцепилась-таки за металлический выступ, к которым крепятся перила.

Юсупов вразвалочку приблизился и присел на корточки. Василиса вскинула на него полные ужаса и мольбы глаза, но просить о помощи – нет, не про эту девку.

– У тебя меньше десяти секунд, пока твое тело не окажется в холодной воде, – сказал он. – Буду краток. Я помогу тебе, а ты – мне. Вытащу, а ты мне все расскажешь. Идет?

Василиса цепляется ослабевшими пальцами, но те предательски соскальзывают с влажного металла. Ногами

не на что опереться. Взгляд вмиг стал обезумевшим.

– Ты не умеешь плавать, – догадался Юсупов.

Вздыхнул и схватил упрямыцу за руку. Рванул на себя, потерял равновесие. Вместе повалились на мостовую. Отдышались.

– А любишь ты быть сверху, – прокомментировал граф.

Василиса опомнилась, выпустила Юсупова и вскочила.

Но тут же грохнулась опять.

– Э, нет, никуда ты не сбежишь, – сказал тот, вцепившись в ее лодыжку. – У нас уговор.

– Не было никакого уговора, упырь херов! – прорычала Василиса и лягнула Юсупова.

Тот цокнул, закатил глаза и ответил:

– Ну никакой благодарности. Я, между прочим, тебе жизнь спас.

– Пош-шел ты!

Пошатываясь, горе-охотница зашагала вперед. Даже не оглянулась, зараза. Юсупов вздохнул, поднялся и стянул пиджак. Догнал Василису и накинул ей на плечи. Та дернулась, но граф стиснул ее и сказал:

– Ты можешь меня ненавидеть и осыпать ругательствами, сколько душе угодно. Но пройдешь еще квартал в таком состоянии – свалишься в обморок. Не от холода, так от пережитого ужаса.

– Да что ты знаешь... – оцетинилась та.

– Выбор у тебя небольшой. Ножичек с моей кровушкой,

поди, покоится на дне канала? Выходит, второй шанс на посвящение тоже упущен?

Василиса сжала губы до нитки, сглотнула и впервые не нашлась, что ответить. Юсупов заботливо поправил пиджак, застегнул пуговицы и уточнил:

– Полагаю, нам в ту сторону?

Итак, с охотниками все гораздо хуже, чем догадывается «Дружина».

По примеру самих вампиров, охотники ведут, так сказать, семейный бизнес. Точнее вели. Стихийные бедствия, госперевороты и прочие неприятности вынудили охотников принимать свежую кровь, как бы цинично это ни звучало. Но при всем желании не разместить объявлений в прессе или на столбах в духе «Примем всех и каждого в ряды охотников на упырей. Оплата непостоянная. Риск каждодневный».

Приходится выкручиваться за счет подпольных методов – типичной вербовки, которая требует проверки кандидата в несколько этапов. Но недавно процесс отсева начал меняться. Вербовка стала самой топорной – разве что в подворотне не предлагают стать охотником, будто купить запрещенку. Этапы и вовсе трансформировались в посвящение.

Кандидат сам выбирает упыря. Но убивать нельзя – только ранить. Вот и вся проверка закалки характера и никудышных тренировок. А в качестве доказательства выполненной миссии нужно принести кровь врага. Ее проверит местный

химик-врач в одном лице. А чтобы кандидаты совсем уж не филонили, пары капель недостаточно. Надобно принести хотя бы пробирку. Чего потом с этой кровью делается, знать не положено.

Все это Юсупов выслушал, высиживая на убогой табуретке в крохотной комнатухе с покосившейся дверью и заплесневелым потолком. Вместо кровати – топчан с продавленным матрасом, который больше походит на много раз пережеванный блин. Стол без скатерти кое-где с прожженными проплешинами не то от спичек, не то от сигарет. Единственное грязное окно, которое даже толком не закрывается. Нетрудно догадаться, какие сквозняки тут гуляют суровыми зимами. За перегородкой умывальник, совсем уж скромный набор посуды. Вот, собственно, и все жилище.

Василиса предложила чай. Юсупов из вежливости согласился, но пить не стал. Да и на чай это не похоже. Кипяченая вода с непонятным запахом и бурым цветом.

– А с революционерами вы как связались? – спросил он, пока Василиса пялилась в замызганное окно.

– А ты думал, в охотники идут от счастливой жизни? – фыркнула та. – Отчаяние, нищета и голод... хотя откуда тебе знать, буржую?..

– Выходит, революционеры спонсируют охотников. Но какой резон?

– А мне какое дело? Деньги на жилье и пропитание есть. По субботам организывают двухчасовые обеды в столовых

на всех. Там и знакомимся. Потом слушаем доклады о вашей упырьской жизни. Тренируемся в спарринге. Кто посмелее – учится стрелять или ножи метать.

Юсупов потер щеку и почувствовал пробивающуюся щетину. За окном уже светает. За Николаем возвращаться было просто некогда. Тому и не в первой, доберется – бармен вызовет извозчика, например.

Сейчас его волнует другое. Охотники связались с революционерами не на шутку. Две подпольные сети запутались-перепутались. У революционеров точно есть финансирование для закупки боеприпасов, химикатов и развязывания языков. У охотников есть знания о вампирах и навыки их уничтожить. Совмести одно с другим – вот тебе и коктейль для свержения власти на всех уровнях.

То, что в охотники набирают голодных и обездоленных, только ухудшает дело. Так как голодные – самые злые и беспощадные враги. Скажи, что в их бедах виноваты упыри-дворяне, те и разбираться не станут. Выпустят обойму серебра в голову.

А теперь еще и кровь собирают. Но для чего? Для каких опытов?

– Сколько крови собрали? – спросил Юсупов.

– Мне почем знать? Я ж посвящение не прошла, – с укором в голосе ответила Василиса. – Такое и знать-то не каждому положено.

– А кому положено?

– Вот заладил, «кому-кому»?

Василиса скрипнула топчаном и вылила остатки чая в помойное ведро под умывальником. Сполоснула кружку и с вызовом глянула на Юсупова.

– Ну? – спросила она. – Убивать будешь или насильничать?

– Я джентльмен, а не монстр, – ответил он. – Если я проводил девушку до дома, это не значит, что буду склоняться к постельным утехам.

Горе-охотница устало фыркнула. Юсупов в задумчивости потеревил нижнюю губу и спросил:

– Пробирка для сбора крови у тебя есть?

Та помотала головой.

– Выронила, когда с тобой в догонялки играла.

– Ты что ли ее с собой всегда носишь?

– А еще князь называется. Какой же ты тупой...

– Пока что граф, – поправил Юсупов.

– Граф, князь, все вы – зажавшиеся тупицы, буржуи толстозадые.

Василиса вернулась на топчан и привалилась к стене.

– Пока проходишь посвящение, пробирку нужно держать при себе. Никогда не знаешь, где прольется кровь.

– Так вроде не проблема попросить еще одну. Как заимешь, дай знать, и я сам приду к тебе на растерзание. Отдам крови, сколько нужно, а ты попытаешься выяснить, для каких целей ее собирают. Или хотя бы, где хранят, кто за все

это отвечает.

Брови Василисы поползли вверх, в глазах замерцал озорной блеск. Она как расхохоталась.

– Ха-ха! Ой, не могу-у-у... займешь, сам приду... ха-ха-ха! – заливается та. – Где хранят, кто собирает... о-о-ох... говорю же, ты – тупица... граф, князь – херась! Ах-ха-ха!

Отчего-то Юсупову и самому стало смешно. С удовольствием любовался красивой улыбкой Василисы. Грудью, что трясется в такт. Волосами, что скользят по веснушчатым плечам. Когда смех иссяк, Василиса простонала и пояснила:

– Третьего шанса никому не дается.

Юсупов сдвинул брови.

– Но в этом же нет никакого смысла, – сказал он. – Охотники набирают в свои ряды в каждой подворотне, подготовка явно хромает, а на дурацкое посвящение дается две попытки?

– Ну а ты чего хотел? Естественный отбор.

– Что тебе за это будет?

– А ничего не будет. Платить перестанут, в столовую не пустят. Да я на них не надеюсь... мыкаюсь по разным работам.

– Я не о том, – перебил Юсупов. – Тебя уже завербовали. Рассказали о существовании вампиров, что уже само по себе является тайной.

– Такой тайной, о которой знает полстраны голодранцев.

– Тебя допустили к тренировкам, а еще ты ранила – за-

мать, все-таки ранила вампира.

– Да только доказательств – тью-тью.

Юсупов вздохнул и в упор на нее посмотрел. И это его она называет тупицей. Василиса поколебалась, а потом округлила глаза.

– Они меня не убьют, – сказала она.

– Может и не убьют, – сказал Юсупов. – А может сделают с тобой такое, отчего ты тронешься умом. Кто ж поверит юродивой?

Василиса поежилась, обхватила себя за плечи, поджала колени к подбородку. Помотала головой и упрямо повторила:

– Нет. Они так не сделают.

– Сколько выжило после проваленных посвящений?

Василиса снова помотала головой.

– Никто не говорит. Просто кто-то возвращается с пробиркой крови. А кто-то нет. Никто из новобранцев и не считает.

На это Юсупов только угукнул. Солнечный луч пробился через тусклое стекло и заставил сощуриться. Граф взглянул на часы – начало пятого. Пора бы и честь знать. Но не оставлять же ее так. Он только потянул за ниточку – нельзя допустить, чтобы она оборвалась.

– Вот что, – сказал он. – Постарайся не высываться пару дней. Я сам принесу тебе пробирку с кровью. А дальше скажу, что делать.

– Ты что ли меня под замок посадишь? Алле, граф. Мне-то никто жульон к обеду не приносит.

– Жульен, – поправил ее Юсупов. – У тебя есть крайний срок сдачи крови?

– Суббота, говорю же.

Юсупов вздохнул – сейчас уже пятница началась. Слишком мало времени. Он поднялся с места и направился к покосившейся двери.

– Я принесу тебе кровь, – сказал он.

– Слово дворянина? – с вызовом в голосе спросила Василиса.

– Слова дворянина. И я рад, что мы-таки нашли общий язык.

Василиса хмыкнула и тихо ответила:

– Пошел ты, упырь.

Глава 7. О рубинах и случайностях

Поспать не удалось. По возвращению домой Юсупов приказал подготовить ванну и завтрак. А сам занялся поисками емкости, что может послужить аналогом пробирки. Он решил сдержатъ слово Василисе. Пока что она – единственная ниточка к большому клубку секретов. Не хотелось бы ее терять.

Наблюдая за слугой, что звенел склянками на кухне, Юсупов обнаружил, что беспокоится о девице. А что если ее убьют? Лишат разума? Да просто имитируют несчастный случай? Она ведь – прямой свидетель существования вампиров. Откуда она выяснила, что Юсупов относится к этому виду, стоит отдельного разговора. Но неспроста веками скрывается существование вампиров и охотников на них.

Это целая система, которая пусть и с перебоями, но работает. Огласка невыгодна ни тем, ни этим. Узнай общество о существовании вампиров, какой переполох начнется. Не только в империи – по всему миру. Анархия и гражданские войны неизбежны.

Охотники никогда не гнались за полной зачисткой от нежити. Перебей всех вампиров – опять же начнется анархия. Кто сядет на троны? Кто способен жить долго и стратегически мыслить на столетия вперед? Без вампиров цивилизация откинется в развитии к средневековью. А дальше все

равно какой-нибудь ученый додумается до скрещивания видов, генетических экспериментов. И создаст что-то или кого-то похуже, чем вампиры.

Потому в ведении охотников только регулировать численность и деятельность вампиров, ну чтоб не множили новообращенных и не наглели чрезмерно. А таких событий в истории человечества тоже хватает. Все, что вы можете вспомнить о любых госпереворотах, морах и свержении власти в угоду новой форме правления, нередко имеет отсылки к тому, что между вампирами и охотниками был нарушен баланс.

Кое-чему все же история научила. Охотники с вампирами имеют дряблые соглашения, которые каждый день нарушают обе стороны, но не доводят до точки кипения. Однако с ростом революционных настроений есть риск, что баланс снова будет нарушен. И теперь это серьезнее, чем раньше. Охотники действуют не сами по себе, а при финансировании и хрен знает еще какой поддержке партийных и подпольных организаций, недолюбливающих нынешний уклад. Так кто же за всем стоит? Какие мотивы имеет?

И все еще подвешен вопрос – в чем смысл посвящений в охотники, где так легко проколоться? Кто в здравом уме будет нападать на вампира, не имея вообще никакой подготовки, да еще тырить у него кровь? Что это за принцип «сдохни или умри»? И в конце концов, что делают с полученной вампирской кровью?

От количества вопросов голова пошла кругом. Зазвенела громче склянок. Слуга заверил, что отыщет нечто подходящее или отправится в аптеку. Юсупов вздохнул и пошел к себе. Горячая ванна с душистыми ароматами поглотила и уничтожила легкое беспокойство. Успокоила, расслабила. Юсупов все же задремал.

Стук в дверь вынудил открыть глаза и собраться к завтраку. Николая за столом нет. Судя по свирепому взгляду отца, тот еще не проспался после вчерашней попойки. Замечаний, однако, Юсупов-старший не высказал. Зинаида Николаевна переводила обеспокоенный взгляд с одного Феликса на другого. Затем перехватила инициативу и сообщила, что сегодня все приглашены обедать у Елизаветы Федоровны. Сестра государыни дает благотворительную трапезу для бедняков и сирот. Ей не помешают дополнительные руки в столовой при Введенском храме на Петербургской стороне. Да и не виделись уже давно, невежливо как-то.

Юсупов-старший, разумеется, сослался на служебные дела. А Юсупову-младшему отвертеться не удалось. Маменька бросила на него многозначительный взгляд, не терпящий возражений.

– Прошу, проследи, чтобы Николай к обеду был готов. Его это тоже касается.

Юсупов допил кофе и пообещал сделать все, что в его силах.

Как оказалось, это не так-то просто. Николай спит мерт-

вечким сном. Лицо раскраснелось. На коже вмятины от подушки. Рубашка кучкой валяется у кровати. Один ботинок у двери, второй – на ноге. Ни на какие увещевания и тряску плеча тот не реагирует. Юсупов решил не жалеть брата и воспользовался уже знакомым средством – вылил графин с водой тому на голову.

Николай застонал, заерзал, потряс мокрыми волосами и громко заматерился. Правда заплетающийся язык и сонливость приуменьшили эффект негодования. Юсупов набрал воды в ванной в графин и повторил манипуляцию. В ответ получил реакцию, пуще прежней, но хмельное тело не желало подняться с постели.

После третьего полоскания Николай-таки взорвался:

– Какого ч-черта тебе надо?!

– И тебе доброго утра, – будничным тоном отозвался Юсупов, поднося полотенце.

Николай отшвырнул его прямо в лицо не-совсем-младшему-брату. Снова громко выругался. Нет, с этим надо прекращать. За сутки на Юсупова вылилось столько ругани, сколько за год не накопилось бы. А ведь он из самых добрых побуждений.

– Маменька желает нас обоих видеть на обеде у Елизаветы Федоровны, – сказал Юсупов, отвернувшись к письменному столу.

– Вот пусть сама и идет! – рявкнул Николай.

С яростью скомкал мокрое постельное белье, стянул вто-

рой ботинок и швырнул в брата. Ботинок пролетел мимо и врезался в стену, отскочил и громыхнулся на пол.

– Может ты и первая ракетка страны, но в похмелье ты совершенно никудышный игрок, – сказал Юсупов.

Скучающим видом пробежался по бумагам на столе. Зашелестел страницами книг, в беспорядке разбросанных то тут, то там. Выдвинул-задвинул ящик. Открыл-закрыл дверцу. Кто с жуткого бодуна способен терпеть посторонние звуки?

Это подействовало. Николай зашипел. Не прекращая ругаться, исчез в ванной. Зашумела вода, что-то брякнулось, хрустнуло, хлопнуло. Бог знает, на чем брат выместил негодование. У Юсупова ясная задача – привести того в чувство и явить свежим и выбритым на обед великой княгини. Даже наступи конец света, отказать нельзя.

Юсупов взъерошил волосы и закинул руки за голову. Откинулся на стуле и снова пустился в раздумья о Василисе, охотниках, революционерах. Заскользил взглядом от стола к кровати, от кровати к подоконнику и назад. В поле зрения попались скомканные бумажки на простыне. Вряд ли Николай был в силах сочинять романсы. Так что же это?

Подошел к кровати, поднял влажные листки и почувствовал неприятное покалывание в затылке. Да он издевается?

Письма, очень-очень много писем, написанных дрожащей и явно женской рукой. Признания на французском в любви и страстных желаниях, в тягостном ожидании новой встре-

чи, и прочая романтическая лабуда. Только уже решили, с этой лабудой покончено. А тут выясняется, ничего не покончено.

Николай продолжает переписку с Мариной. А это значит, риск позора трех семей никуда не делся, даже приумножился. Марина не восприняла всерьез угрозы Юсупова. А брат, похоже, совсем умом тронулся, раз получает их, хранит и, черт возьми, даже спит с ними. Ну вот надо же быть таким истериком!

Шум воды прекратился. Николай вернулся в спальню, на ходу завязывая халат. Юсупов обернулся к нему, сжимая письма, и ледяным тоном спросил:

– Это что?

Николаю хватило секунды, чтобы рвануться навстречу и выхватить письма из рук.

– Не твое дело! – рявкнул он.

Юсупов сдавленно выдохнул и унял покалывание на кончиках пальцев.

– Смерти захотел? – спросил он.

– Может и так! Что ты мне сделаешь? Вернешь с того света? Обратишь?

Юсупов стиснул зубы, поиграл желваками. А Николая понесло:

– Скажешь маменьке и папеньке? А что? Пусть посадят под домашний арест, пусть хоть в Трубецкой бастион упекут. Не отрекусь от нее! Моя она! Слышишь? Моя!

– Марина не твоя. Никогда не была и не будет твоей. Она выйдет замуж через пару недель и укатит в свадебное путешествие. Забудет о тебе после первой брачной ночи. И возможно через год уже будет качать на груди сына. Или дочку. Последуй ее примеру. Благо в поклонницах ты не имеешь недостатка. Семейная жизнь прибавит тебе трезвости и ответственности.

– Сказал тот, кто женился ради титула, – язвительным тоном отозвался Николай. – Сам не можешь иметь детей. Так сколько отпрысков из Сумароковых-Эльстонов твои?

Желчь поднялась от желудка к горлу. Руки невольно сжались в кулаки. Юсупов процедил сквозь зубы:

– Они все мои.

Николай зло усмехнулся, закинул пачку смятых писем в выдвижной ящик. Прислонился к столу и сложил руки на груди.

– *Это* ты сказал маменьке после очередного выкидыша? Ну и каково тебе – быть не мужем, не отцом и даже не сыном? Фальшивый брак, фальшивая личина, фальшивая жизнь.

Гнев ударил в голову. Тот самый, ослепляющий, звериный, от которого вырастают клыки и встает шерсть на загривке. Юсупов из последних сил напомнил себе, кто перед ним стоит, и почему важно сохранить его в живых.

– У тебя нет семьи, – вбил Николай последний гвоздь. – И никогда не было. Ты – бастард. Ублюдок. Ты – не особен-

ный. Ты – урод. Ты сам уступил свое место в этой семье. И ты смеешь мне что-то говорить о трезвости и ответственности?

Юсупов сжал горло брата, остро желая разорвать, переломить, отделить голову от тела. И ему это под силу – хватит мгновения. Лицо Николая начало краснеть, в глазах мелькнул ужас. Он безрезультатно попытался оторвать руку Юсупова от своей шеи.

– Я сделал это не ради себя, – выдавил Юсупов.

Достаточно насмотревшись на задыхающегося брата, Юсупов отпустил Николая и вышел из спальни.

«Четвѣртаго февралѣ, около трѣхъ часовъ пополудні вѣликій князь Сѣргей Алѣксандровичъ Романовъ отѣхалъ въ карѣтѣ от Николаевскаго дворца въ Крѣмль. Прі подъездѣ къ Никольской башнѣ въ карѣту прілѣтѣла бомба.

Вѣликій князь погибъ сразу. Смѣртѣльно раніло кучера, а карѣту разнѣсло...»

Правитѣльствѣнный вѣстникъ, 5 февраля 1905 года, №28

Бомбистом оказался некий Иван Каляев, член партии эсеров. Покушение было заготовлено на второе февраля, но Каляев отказался исполнять. Помимо великого князя в карете ехала супруга – Елизавета Федоровна и малолетние племянники – Мария и Дмитрий Павловичи.

Сергей Александрович считался «серым кардиналом» им-

перии. Был одним из тех, кто настоял на вооруженном разгоне шествия, что ныне известно как Кровавое воскресенье. Его убийство послужило началом широкой агиткампании среди интеллигенции и студентов в духе «Долой самодержавие!». Популярность и авторитет эсеровской партии и особенно Боевой организации резко возросли.

Каляев пойман на месте. Седьмого февраля в тюрьму к задержанному пришла теперь уже вдова – Елизавета Федоровна. Она передала бомбисту прощение от имени погибшего и оставила Евангелие.

В тот же вечер через Российское телеграфное агентство во все газеты передано содержание беседы заключенного и великой княгини. Якобы Каляев раскаялся, упал на колени перед вдовой. Но позже революционер убеждал в обратном. Мол, все было подстроено так, чтобы превратить его террористический акт из идейного дела в обыкновенное уголовное.

Несмотря на то, что Каляеву буквально под нос совали на обмен прощение о помиловании, тот не отказался от своих идей и не выдал сообщников. В мае того же года он был казнен через повешение в Шлиссербургской крепости.

Елизавета Федоровна сменила царские украшения на вдовий плат, а потом и на монашеское одеяние. Очень много лет посвятила социальной работе. Основала благотворительное общество для «законных младенцев беднейших матерей», сирот и «детей порочных родителей». Елисаветинские коми-

теты образованы по всей Московской губернии.

Княгиня возглавила Дамский комитет Красного Креста, а позже стала председательницей его Московского управления. И пусть со стороны такая деятельность едва ли не обожествляет княгиню, на самом деле за всем этим стоит своя боль.

С мужем княгиня детей не заимела. И не потому, что не смогла, а потому что супруг, по слухам, был заинтересован «особами иного пола».

Не находится вокруг Елизаветы Федоровны ни одного человека, который не смотрит на нее с благоговейным трепетом. Так же сейчас на нее смотрит и Юсупов. И где-то в глубине души даже слегка побаивается. Великая княгиня очень и очень умна. Знает, кому и когда оказать милость, поддержку, подобрать нужные слова. Без сомнений все эти сироты однажды встанут в стройные ряды по одной только ее команде.

Маменька приблизилась к Елизавете Федоровне, перекрестилась, поклонилась, трижды поцеловала. И только после этого обняла, что-то проговорила княгине на ухо. Та прикрыла глаза, улыбнулась и так же тихо что-то ответила.

Николай повторил те же действия. Чисто выбритый, в идеально сидящем костюме. Так и не скажешь, что час назад валялся в жутком похмелье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.